

КУЛЬТУРНЫЙ
ШОК

ОЛЕГ КИРЬЯНОВ

КОРЕЯ

Культурный шок!

Олег Кирьянов

Корея

«Издательство АСТ»

2019

УДК 908(519.5)
ББК 26.89(5Кор)

Кириянов О. В.

Корея / О. В. Кириянов — «Издательство АСТ»,
2019 — (Культурный шок!)

ISBN 978-5-17-112125-9

В этой книге собраны самые интересные материалы и наблюдения журналиста и востоковеда Олега Кириянова за 2005–2018 гг., отражающие разные стороны жизни корейского общества. Из этих материалов вы узнаете об успехах и достижениях последнего, а также о возможных недостатках и проблемах в политике, экономике, армии... Это издание включает рассказы как о Южной, так и о Северной Корее. Особый интерес для российских читателей представляют эпизоды, касающиеся жизни представителей РФ в Корее, а также иные моменты, затрагивающие проблематику российско-корейских отношений.

УДК 908(519.5)
ББК 26.89(5Кор)

ISBN 978-5-17-112125-9

© Кириянов О. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	5
Обыкновенная экзотика	8
Последние корейские русалки: трудовые будни морских ныряльщиц	8
Погружение в дзен	14
Остров Ведо – рай, созданный людьми	22
Автомобильная соната в стиле «Хендэ»	23
Аэропорт, куда хочется прилетать снова и снова	27
Сердце конституционного правосудия Южной Кореи	32
Корейский марафон: заметки участника забега	34
Как я служил в корейской армии	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Кирьянов

Корея

Предисловие

В детстве я никогда не мечтал стать востоковедом или журналистом (а тем более и тем и другим вместе). Написать сочинение в школе было для меня одним из самых больших мучений. Иностранные языки мне давались очень сложно, я куда лучше ладил с цифрами, формулами, ну и попутно был постоянно одним из лучших по физкультуре. Вообще я хотел стать военным, десантником. Однако цепочка самых разных событий привела меня к тому, что я вот уже долгое время живу и работаю в Корее, каждый день пишу статьи, иногда книги, а также мне постоянно приходится общаться на корейском, английском, иногда и китайском языке... В общем, получается, занимаюсь тем, чего в школьные годы очень боялся и не особо-то любил. Но все меняется. Я абсолютно не жалею и рад, что стал корееведом, журналистом и что занимаюсь тем, чем занимаюсь сейчас.

Может, параллель не самая уместная, но непредсказуемость, самые неожиданные повороты, радикальные перемены – все это мне приходится постоянно видеть также и на примере Кореи и корейцев. Впервые я начал заниматься Кореей в 1991 г, поступив на корейское отделение Восточного факультета СПбГУ. Я прожил в Корее в общей сложности более 16 лет, своими глазами видел и вижу, как меняется страна, как меняются сами корейцы, как стремительно трансформируется общество, но все равно они – Корея и корейцы – с завидной регулярностью умудряются сделать то, что по-настоящему удивит, изумит, а порой и повергнет в шок.

Корея – что Южная, что Северная – очень интересные, по-своему уникальные страны. По своему опыту общения с корейцами я убедился, что это активные, энергичные и неординарные люди. Это касается всех корейцев вне зависимости от их гражданства и страны проживания – южных, северных, корейцев России, стран СНГ, Германии, Бразилии, США, Китая, Японии и прочих. Корейцы могут быть разными, и, как и у всех народов, среди них бывают и хорошие люди, и не самые приятные. Но все они так или иначе «с искоркой», в них чувствуется жизнь, энергия. И точно так же они не перестают постоянно удивлять, хотя, казалось бы, я постоянно общаюсь и работаю с ними уже почти тридцать лет.

Журналистская работа при известных своих особенностях имеет одно неоспоримое преимущество: она позволяет интересоваться абсолютно всем, заглядывать во все уголки, знакомиться с самыми разными людьми, которые между собой никак не связаны. В этой книге собраны и обобщены репортажи, которые, как мне видится, отражают самые разные стороны жизни корейского общества, показывают где достижения и успехи, а где возможные недостатки и проблемы в самых разных сферах: политике, экономике, армии, международных отношениях, обществе и многом другом. Значительная часть репортажей была ранее опубликована в том или ином виде в наших СМИ, в основном в «Российской газете», корреспондентом которой в Корее я был и до сих пор являюсь. Хватает и разделов, которые издаются впервые.

Так уж совпало, что мне довелось видеть Корею и в моменты бурного ликования, когда лицо практически каждого корейца светилось от счастья, и в моменты глубоких трагедий, когда – без преувеличения – вся страна была в трауре, причем в том трауре, который наступает в сердцах людей, а не только на экранах телевизоров. Довелось наблюдать и действительно переломный, исторический момент, когда сами корейцы поняли, что они идут куда-то не туда, их лидер не оправдывает их чаяний, а потому пора все радикально менять, даже если это будет сложно и болезненно.

Отдельное место занимают репортажи, посвященные Северной Корее. Там тоже хватает своей специфики, может быть, даже культурного шока, но, как видится, для понимания Кореи в целом надо бы узнать, как живут в обеих ее частях – как на Юге, так и на Севере, а также как корейцы из «разных Корей» общаются друг с другом.

Думаю, что россиянам будет интересно прочитать и материалы, касающиеся связей РФ как с Южной, так и Северной Кореей, и также о людях, которые стали своего рода мостами, связывающими нашу страну с Кореей.

Для достоверности рассказов я постарался включить в рассказы интервью и записи бесед с людьми, работа которых позволяет увидеть самые разные вещи, события и мероприятия с уникальной и редкой точки зрения. В книге собраны материалы, которые по времени относятся к различным периодам с 2005 по 2018 год. Зачастую повторные поездки в одни и те же места позволили лично увидеть, что именно изменилось и в каком направлении движется Корея.

В общем, остается только предложить пережить вместе самые разные приключения, которые выпали на журналистскую долю во время моей работы в Южной и Северной Кореех. Будем вместе удивляться, радоваться, а иногда и грустить. Мы вместе пройдем курс молодого бойца в военной академии Кореи, вместе будем продирааться ночью в горах и улепетывать от дикого кабана, нырять с местными «русалками» за осьминогами, увидим, как корейцы скорбели, доставая тела детей с затонувшего парома «Севоль», как миллионные демонстрации заставили уйти президента в отставку; проследим, как страстно корейцы желали получить право на зимнюю Олимпиаду и как провели ее в Пхенчхане, при этом отчаянно поддерживая российских спортсменов; вместе съездим в удаленный остров Токто; увидим, как создаются самые современные автомобили; узнаем, как случилось, что лучшие биатлонисты Кореи – это Тимофей Лапшин и Анна Фролина, а, пожалуй, самым выдающимся корейским футбольным вратарем считается Валерий Сарычев; а также увидим, как буквально на глазах меняется Северная Корея...

При написании книги я пытался быть объективным, но в любом случае все это взгляд на Корею через призму моего личного опыта, а потому неизбежна определенная субъективность. Вполне может быть, что кто-то видит все совершенно иначе. В любом случае я надеюсь, что книга позволит вам немного лучше узнать и понять Корею и корейцев: как тех, кто живет в стране «Самсунга, Хендэ и К-РОРа», так и тех, кто живет в Стране чучхе. Поверьте, Корея и корейцы – достойны того, чтобы ими заинтересоваться и попытаться понять, как и чем они живут.

Обыкновенная экзотика

Последние корейские русалки: трудовые будни морских ныряльщиц

Мужчина на борту – примета хорошая

Порт небольшого архипелага Чхучжа встретил нас густым туманом и громким ревом звукового маяка, который подавал сигналы находящимся поблизости судам. Наше судно, имевшее одноименное с архипелагом название, я нашел у пристани достаточно быстро – помогли подробные инструкции сотрудника местного отделения Корейской ассоциации морских кооперативов Ю Чжин Се, который организовывал мою поездку.

Скучать пришлось недолго. Вскоре в тумане стали слышны веселый смех и разговор нескольких женщин. Через некоторое время появились и сами «русалки», каждая из которых была одета в гидрокостюм и несла на голове пластиковый таз. В такой посудине был сложен рабочий инструментарий – большой буй ярко-оранжевого цвета, прикрепленная к нему длинная сетка, пара ласт, маска, какое-то подобие своеобразного серпа или маленькой мотыги, кепка, да и, кое у кого, – бутылочка с питьевой водой. Подойдя к судну, возле которого я стоял, немного поеживаясь от прохлады, одна из ныряльщиц, выглядевшая старшей, хмуро спросила: «А общаться-то с тобой как, милоч?»

– Да как с другими, а я уж постараюсь не путаться под ногами, – поспешил успокоить я.

– Ну, тогда замечательно, – мгновенно подобрела «русалка» и рассмеялась. – А то мне как вчера сказали, что с нами поедет журналист-иностранец, то я беспокоиться начала. Языками-то не владею. Сам-то откуда?

– Из России.

– Прыгай на борт, мужчина на судне у нас хорошая примета, – заверила другая, чем вызвала всеобщий хохот.

Сами женщины очень быстро и ловко попрыгали на судно, перенесли свои пожитки. Бойко застучал мотор, и мы отправились в окрестности необитаемого островка Сурен, который был одним из 42 островов архипелага Чхучжа.

Так началась моя поездка с легендарными корейскими «хэнё», что в дословном переводе означает «женщины моря» – морскими ныряльщицами, которые до сих пор и в наш современный век в Южной Корее – стране сверхскоростного Интернета, компьютеров и небоскребов – зарабатывают себе на жизнь так же, как это было и сотни лет назад. Они ныряют на дно моря и собирают его дары – съедобных моллюсков, трепангов, водоросли и еще многое другое.

Считается, что корейские ныряльщицы в большинстве своем живут и работают на южном курортном острове Кореи Чечжу. Но их можно встретить и в различных южных районах страны, на прилежащих островах. Мне же довелось понаблюдать за работой «хэнё» острова Чхучжа, который расположен между только что упомянутым курортным островом Чечжу и материковой частью Кореи. Если субъективно, то в этих местах чувствуешь себя на краю земли: в поле зрения только море и мелкие скалы архипелага – очень красиво и в то же время один на один с бескрайней стихией.

Работать будем здесь

Тем временем перед нашим судном в тумане возникли очертания острова Сурен. «Выгружайся, сегодня работаем здесь», – скомандовала мне старшая, выпрыгивая на совсем небольшой островок размером примерно 200 на 200 м.

Со смехом, шутками и прибаутками «хэнё» быстро выгрузили свой нехитрый скарб на небольшую скалистую площадку и стали готовиться к работе. Оборудование и инструменты, которыми пользуются ныряльщицы, за прошедшие столетия изменились очень мало. Аква-

лангами корейские «русалки» не пользуются. Из более-менее современных приспособлений – маска для ныряния, которая вошла в обиход в начале XX века, ласты и появившийся в шестидесятых годах прошлого столетия гидрокостюм. Ракушки и прочую живность собирают, как правило, голыми руками. Если что-то надо подрезать, то используется инструмент, напоминающий небольшую тяпку. У каждой ныряльщицы есть свой ярко-оранжевый буй, который посылает катерам, что где-то в окрестности работает человек. К бую привязана большая сетка – в нее складываются выловленные ракушки и прочая добыча. Вот и все, вся надежда только на свои силы и умение.

Одна за другой «русалки» попрыгали в воду, оставив меня наблюдать за ними с берега. Работают «хэнё» всегда бригадами – от пяти до пятнадцати человек. В одиночку работать «настоятельно не рекомендовано». Опасности бывают самые разные – от ядовитых рыб (их немного, но бывают) до внезапно налетевшего шторма, коварных морских течений и многих других. Кроме того, малейшее недомогание под водой может очень быстро привести к летальному исходу. Одна из собеседниц потом рассказала, что практически каждая из них раз в неделю испытывает полуобморочное состояние. Приходится тут же выныривать и отлеживаться на поверхности воды, держась за шар-поплавок, либо на берегу, если до него не так далеко.

Именно потому они и работают группами, чтобы можно было быстро прийти на помощь. Во главе всегда стоит старшая и самая опытная ныряльщица. Рабочий день длится обычно с половины восьмого утра до 12 или часа дня, то есть около четырех-пяти часов – больше работать уже физически трудно. Работают круглый год кроме лета – в этот период (с начала июня до середины августа) ловля запрещена для того, чтобы дать возможность популяции морских животных восстановить свою численность.

Говорят, что местные ныряльщицы могут погружаться на глубину до 20 метров и задерживать дыхание на несколько минут. Возможно это и так, но обычно «стандартная» глубина работы составляет не более пяти метров. Согласно моим подсчетам, средняя продолжительность погружения составляла 30–40 секунд. По словам «русалок», нырять на большую глубину особого смысла нет, так как меньше времени остается на поиск добычи, да и видимость с глубиной ухудшается.

После того как я пару часов проползал на животе по скалам, пытаюсь выхватить для фотосъемки наиболее удачные сцены находящихся за работой ныряльщиц, одна из них в итоге жалась надо мной, пригласив присоединиться к промыслу. Гидрокостюма у меня не было, так что в воде я продержался не более двадцати минут, но понырять удалось вдоволь, получив более-менее полное представление о том, как идет процесс добычи.

В целом, как и следовало ожидать, весь процесс очень похож на то, как ребятишки ищут ракушки в море. Здесь задача абсолютно та же: найти пригодные для еды моллюски, трепанги и прочую живность.

Взявшая на себя роль экскурсовода «хэнё» сказала: «Объяснять особо нечего – делай, как я». Сначала мы некоторое время поплавали на поверхности, держась за буй и разглядывая дно через маску. Возле одного подводного валуна «русалка» вдруг указала пальцем в глубину на ничем неприметный (с моей точки зрения) небольшой камушек, набрала воздуха и резко нырнула. Мне же оставалось поспешить следом. «Камушек» оказался трепангом, который, ничего не подозревая, спокойно лежал на дне. Мы его подобрали, собрали оказавшихся поблизости пару рапанов и вынырнули.

При выныривании «хэнё» издала громкий гортанный звук – что-то типа «Э-э-эх» или «А-а-ох». Мои предположения о том, что это является боевым кличем местных ныряльщиц, который издается при удачной добыче, а заодно отгоняет подкрадывающихся коварных акул, оказались неверными. Так легче восстанавливать дыхание. Мне посоветовали делать то же самое. И вскоре я тоже, возвращаясь на поверхность, пугал находящихся в прибрежных скалах крабов

своим воплем. Добычу мы складывали в привязанную к бую сетку. Все шло по схеме: осмотр – нырок – сбор добычи – возвращение на поверхность – «э-э-эх» – добычу в сетку и дальше по списку.

Для всех тех, кто пожелает «всерьез» стать «русалкой», процесс обучения одинаков: вступаешь в бригаду, наблюдаешь, как ловят другие, что-то тебе подскажут, посоветуют, но в целом учишься этому искусству сам в процессе работы. Долгое время никаких отдельных школ или «курсов повышения квалификации» не существовало. Лишь несколько лет назад на острове Чечжудо была открыта специальная школа по подготовке ныряльщиц, но все равно основные знания и навыки будущие «русалки» получают не за партами, а в море – в процессе совместной работы с более опытными коллегами.

Если ракушки и морские трепанги безобидны, то некоторые другие обитатели моря требуют осторожности при попытке их выловить. На моих глазах развернулась настоящая борьба между ныряльщицей и сидевшим в расщелине между скал осьминогом. Последний яростно отбивался щупальцами, выпускал клубы чернильной жидкости, пытался спрятаться между валунами, но в итоге опыт и настойчивость «русалки» победили, и осьминог также оказался среди прочей добычи.

Получив необходимые впечатления и основательно продрогнув, я вернулся обратно на берег и продолжил наблюдать за работой «русалок» с суши. Вскоре, когда время уже близилось к двум часам дня, одна за другой на скалистую площадку островка стали возвращаться «хэнё», вытаскивая свою добычу. Как правило, она состояла из большого мешка рапанов, нескольких трепангов и более редких гостей – уже упомянутого осьминога, морского окуня и прочих обитателей морских глубин.

Затем из тумана вынырнуло судно, которое и вернуло нас в порт Чхучжа. Несмотря на явно нелегкий рабочий день, по пути домой «русалки» не отдыхали, а немедленно занялись на палубе сортировкой улова.

В порту нас уже ждали приемщики груза. Если рапаны взвешивались целым мешком, то трепангам оказывали большее почтение – взвешивали лишь по паре штук. Приемщик тут же выписывал каждой из «русалок» чек, где был отмечен улов. Затем в конце месяца все это суммируется и выдается месячный заработок.

Особенности корейской морской кухни

В порту я встретился с моим «экскурсоводом» – Ю Чжин Се, который занимался самой ответственной работой – приемом улова. Перекидываясь шутками с «русалками», но не забывая при этом заносить все данные в рабочую тетрадь, он быстро закончил работу. Одна из «хэнё», похлопав меня по плечу, на прощание подарила мне трепанг. Ю, который сам тоже прикупил «по случаю» пару трепангов и кучку рапанов, предложил завершить «естественную производственную цепочку», то есть съесть это все у него дома.

Как только мы вошли в дом, навстречу вышла хозяйка дома, поздоровалась и тут же убежала хлопотать на кухню. На столе быстро появились нехитрые закуски, разделанный трепанг, рапаны и еще пара обитателей морского дна, названия которых мне запомнить так и не удалось.

Ю Чжин Се тем временем стал посвящать меня в тонкости кулинарии морепродуктов. «Самый вкусный трепанг, да и вообще любой морепродукт – это тот, который только что был выловлен. На, попробуй!» – сказал он, пододвигая мне блюдо с ломтиками сырого рапана и трепанга и налив при этом стопку местной корейской водки «сочжу».

«Ну, как там говорят у вас – на здоровье!» – блеснул выученным в ходе турпоездки в Россию тостом мой собеседник, съел кусок трепанга и, крякнув, тут же осушил стопку. Я последовал примеру. Для увеличения эффекта Ю открыл широкую стеклянную дверь веранды. Нам

тут же открылся прекрасный вид на бухту острова Чхучжа, а ворвавшийся теплый морской ветерок завершил идеальную картину трапезы.

Ю, который на острове живет вот уже несколько десятков лет и знает все особенности работы ныряльщиц, ответил на все вопросы, которые я не успел или иногда постеснялся задать «русалкам».

Во-первых, зарплата. Она достаточно неплохая: в среднем «русалка» зарабатывает около 40 миллионов вон в год, то есть примерно три-четыре тысячи долларов в месяц. Это по меркам Южной Кореи достаточно неплохо. Следует при этом учесть, что почти все три летних месяца промысел не ведется, так что в реальности каждый месяц работы приносит четыре-пять тысяч долларов. У многих ныряльщиц есть и свои собственные рестораны морепродуктов, что является дополнительным подспорьем.

Второй вопрос, который меня интересовал: почему нет мужчин-ныряльщиков. Науку эту освоить может в целом любой, а с точки зрения физических данных у мужчин должно быть преимущество. Но все же, как поведал мне Ю, в Корее официально зарегистрировано лишь двое мужчин, работающих в этом бизнесе, тогда как женщин более четырех тысяч. Данную работу в Корее вот уже столетия воспринимают как чисто женское занятие. Все равно что мужчина стал бы выступать на соревнованиях по художественной гимнастике. Теоретически можно, но «не для мужика».

Исчезающая профессия

К сожалению, все идет к тому, что количество ныряльщиц в Южной Корее постепенно уменьшается. Наверное, через 20–30 лет несколько десятков «русалок» останется, но в качестве культурной достопримечательности для туристов. Настоящие же «русалки» уйдут в историю. По крайней мере, сейчас все идет к тому: как уже было сказано, по всей Корее сейчас лишь немногим более четырех тысяч действующих ныряльщиц. На Чхучжа, где их раньше были сотни, осталась лишь 21, а реально выходят на промысел 18. Самой молодой из них – 55 лет. Есть те, кто ходит в море и до 80 лет, но так или иначе «русалки» вымирают. На смену им никто не приходит. Попробовать раз-другой в качестве развлечения половить ракушки, может быть, хотели бы и многие, но чтобы зарабатывать этим себе на хлеб – желающих среди молодежи очень мало.

Правительство, как центральное, так и местное, всеми силами старается сохранить и поддержать «русалок». Многие «хэнь» при поддержке властей открывают свои рестораны на берегу. «Русалкам» компенсируют около 70 процентов расходов на здравоохранение, за счет государства содержатся различные удобства для ныряльщиц – душевые, комнаты отдыха и прочее. Но в целом очевидно, что все эти меры лишь незначительно оттягивают тот момент, когда корейские «русалки» уйдут в историю. Жалко, но попробуйте сказать современной девушке пойти ловить ракушки и посвятить этому свою жизнь. Ответ очевиден...

До следующей встречи!

На причале дул сильный ветер, который грозил сорвать кепку. Надвигался шторм. Порт Чхучжа, который был единственными воротами на материк, закрывался с вечера на несколько дней из-за «неблагоприятных метеоусловий». Стоявший рядом Ю Чжин Се сказал с легкой улыбкой, пожимая на прощание руку: «Вот какова наша жизнь здесь – любое изменение в настроении природы мы сразу же чувствуем на себе. Остров – он всегда остров. Но мне нравится. Удачи!»

Запрыгивая на палубу подошедшего судна, который должен был отвезти меня до материка, я обернулся. Ю о чем-то разговаривал с подошедшей к нему немолодой, ностройной

женщиной. Он показал на меня пальцем и помахал рукой, женщина улыбнулась, тоже помахала и крикнула: «Приезжай еще, зачислим в бригаду, будешь с нами в море ходить!» В ней я едва узнал «русалку», которая еще вчера меня учила тому, как находить на морском дне трепангов. «Обязательно приеду!» – пообещал я.

Остров Чхучжа быстро растаял в тумане, как будто не было ни его, ни его удивительных обитательниц – «бабушек-русалок». Хотя теперь, попробовав эту работу на себе, называть их старушками язык уже не поворачивался.

Погружение в дзен

Неотъемлемой частью жизни современной Южной Кореи является буддизм – религия, пришедшая на Корейский полуостров в первых веках нашей эры. Согласно статистике, по числу верующих буддизм несколько опережает протестантство, присутствие которого в Корее вы сразу же заметите по обилию церквей. Буддийские храмы обычно вынесены за пределы городов и чаще располагаются в живописных горах, которых здесь великое множество.

Мне всегда хотелось узнать поподробнее об этой стороне жизни корейского общества. Для желающих есть разные способы. «Начинающие» обычно выбирают ставшими популярными (в том числе среди иностранных туристов) программы «temple stay», то есть жизни в буддийском храме. Они позволяют на несколько дней превратиться в «настоящих монахов», а также на несколько дней вырваться из суеты крупных городов, поразмышлять о тех философских проблемах, на которые у современного человека, как правило, не хватает времени. Для тех же, кто решил поглубже познать монастырскую жизнь, есть курсы дзен-медитации. Это уже не столько туристический продукт, сколько более серьезная подготовка и обучение основам буддизма и медитации. Мне удалось принять участие в обеих программах.

В монахи на пару дней

Скоростной экспресс КТХ, временами разгонявшийся до 300 км/ч, быстро доставил нас из Сеула на самый юг Южной Кореи – в провинцию Чолла Намдо. Выгрузившись на одной из небольших станций, мы по извилистой дороге на автобусе примерно через час доехали до основанного более тринадцати веков назад монастыря Михванса. Именно он был выбран как место, где мы должны были отречься на некоторое время от бренного мира и прикоснуться к мудрости буддизма.

В самом начале нам сказали, что Михванса расположен в одном из наиболее красивых мест Кореи. Глядя на расположенные за монастырем отроги скалистых гор Тальмасан и на видневшуюся в нескольких километрах гладь океана с раскиданными по его поверхности островками, трудно было не согласиться. Картина разворачивалась просто потрясающая, заставляя ментально забыть про оставленные в столице заботы суетной светской жизни.

На парковке нас встретила молодая переводчица, которая повела нас уже в сам монастырский комплекс. У входа в него стоял настоятель и наш наставник на эти два дня – монах Кымган, поприветствовавший нас традиционным буддийским поклоном с соединенными перед грудью ладонями.

Перед тем как переодеть нас в монашеские одеяния, нам устроили небольшую экскурсию по храму. Любой буддийский монастырь полон множества деталей, имеющих глубокое религиозное значение. Несведущий человек их просто пропускает, не задумываясь, но монах Кымган подробно разъяснял нам каждую деталь. Слушая его, создавалось впечатление, что перед нами разворачивается огромная книга, которую мы раньше даже не открывали, проходя мимо нее. Параллельно он нам разъяснил, как следует себя вести в монастыре, чтобы не беспокоить других послушников. Запрещено было громко разговаривать, мужчинам и женщинам братья за руки и проявлять прочие знаки близости, возбранялось курить.

После своеобразной вводной лекции настоятель монастыря не без юмора заметил, что пора начать наставлять нас на путь истинный и освободить от оков бренного мира. Нас привели в одно из вспомогательных помещений, где выдали монашеские одеяния. У окончательно принявших буддизм монахов и прошедших ритуал посвящения одежда – серого цвета, при этом голова монаха всегда брита «под ноль». Для нас же выдали желто-оранжевые одежды послушников, готовящихся принять посвящение.

Наш учитель затем провел уже более глубокую ознакомительную лекцию, касавшуюся самых общих основ дзен-буддизма, а также правил поведения. При этом монах Кымган заметил: «Вам будет нелегко, потому что учение дзен-буддизма требует полностью забыть ту систему мировоззрения, к которой вы привыкли. Но сами увидите, что оно того стоит».

Объяснив обычаи и принятые в поведении формальности, нас пригласили на нашу первую дзен-медитацию. Как сказал монах Кымган, Будда есть в любом человеке, достичь просветления может каждый, надо только найти способ, открыть в себе то, что спрятано глубоко под налетом мирских страстей, желаний, эмоций. Поэтому каждое движение, каждая секунда пребывания в монастыре направлена на достижение умиротворения, избавление от бесполезных страстей и желаний. Послушник, придя в монастырь пусть даже на короткое время, должен постараться полностью избавиться от своего мирского наполнения, превратить себя, образно говоря, в пустой сосуд, в котором будет потихоньку накапливаться сущность Будды. Задача же наставника при этом – просто направлять ученика, помогать ему в трудные моменты, но весь этот путь каждый человек должен пройти самостоятельно. Он у каждого свой, сугубо индивидуальный.

Пытаться объяснить, что такое дзен-медитация и что она значит, – дело сложное, это надо прочувствовать, но опишу, как происходит сама медитация.

Послушники рассаживаются в зале в позе лотоса. Естественно, большая часть наших коллег не смогла исполнить такой запредельный акробатический трюк, на что им было разрешено сидеть как удобно.

Монах Кымган сказал, что путем медитации мы должны найти ответ на вопрос, звучащий как «И мвокко», который достаточно символичен и лишь приблизительно может быть переведен как «Что есть я? Как мне следует жить? Как я могу освободиться от желаний и страдания?»

Сбив нас с толку фундаментальными вопросами, ответы на которые многие, наверное, не могут найти до конца жизни, наш наставник выключил свет и погрузил зал в полумрак, а нам посоветовал думать, слегка прикрыв глаза, но в то же время не скатываться в манящую пропасть сна.

Приступив к медитации, я только тогда осознал, как трудно абстрагироваться от своих мирских забот. В голову постоянно лезли мысли о необходимости отшлифовать борт у поцарапанной недавно машины, не забыть оплатить счет за квартиру, поздравить друзей с днем рождения, забрать компьютер из ремонта и еще всякие мелочи, которые и наполняют нашу мирскую жизнь, не позволяя задуматься о чем-то более высоком. Постепенно, однако, стали все отчетливее слышны звуки шумящих за окном сосен, шелест прибоя, мелодичный звон колокольчика, висящего на скате крыши храма, шорох камушков, скатывавшихся по склону горы. Душа стала наполняться каким-то спокойствием, позволяя прислушаться уже к себе самому, пытаюсь при этом найти ответ на поставленный монахом Кымганом вопрос.

Конечно, во время первого сеанса медитации никто не обнаружил в себе Будду, но, как сказал наставник, возвещая ударом бамбуковой палки по ладони об окончании сеанса медитации: «Судя по вашим лицам, вы сделали свой первый шаг на пути достижения истинной сущности. Продолжать этот путь или нет – решать вам, но сейчас вы хоть в какой-то степени почувствовали, что такое дзен-медитация, без которой невозможно просветление».

Отрицать было трудно – медитация возымела свой эффект. Вспоминая то, какими немного шумными, слегка задерганными и нервными мы вошли в зал медитации, и сравнивая с тем, с какими буквально посветлевшими, посвежевшими и одухотворенными лицами мы вышли, – эффект был разителен. Все мирские заботы отошли далеко-далеко, я гораздо ярче стал осознавать красоту каждого штришка окружающей природы. Мир как бы наполнился невидимыми ранее цветами и красками. Полутора часов медитации хватило на то, чтобы стало казаться, будто суматоха столицы со всеми делами и заботами была когда-то давно, если вообще была...

Затем нас повели на ужин. Как известно, буддисты не едят ничего животного, поэтому еда состояла из плошки риса, небольшой чашки супа и растительных приправ. Набирать можно было столько, сколько хочешь, но с одним условием – все должно быть съедено до последнего зернышка. Затем монах Кымган угостил нас зеленым чаем собственного приготовления.

За чаем и неспешной беседой мы и не заметили, как солнце скрылось за горами и на дворе сразу же стало темно. Дав нам десять минут на разговоры, нас затем повели на вечернюю молитву. В монастыре монахи молятся минимум три раза в день: на рассвете, ближе к середине дня и вечером. Общая молитва происходит в главном зале монастыря – Зале Великого Будды. Распевать сутры, постукивая время от времени по деревянному барабану, начинает главный монах, потом подключаются уже все остальные. Все это сопровождается регулярными поклонами между куплетами. Основной смысл этих действий – выразить свое уважение и смирение перед Буддой и его воплощениями. Общее содержание слов молитвы нам было уже знакомо: «В каждом из нас есть Будда, этот бренный мир – мир страданий, он эфемерен и нереален, чтобы достичь реального мира, надо освободить душу от оков страстей и желаний...» и т. д.

Вся процедура молитвы продлилась примерно 15 минут. Легкий удар деревянного молотка по бронзовому колоколу возвестил нам, что пора отходить ко сну.

Поклонившись, как полагается, перед выходом из Зала Великого Будды, на улице нам ничего не оставалось, как в очередной раз раскрыть рты от потрясающего пейзажа. В небо поднялась огромная луна, которая в полной тишине освещала окрестности и отражалась в неподвижном океане, придавая всей картине неповторимую, первозданную красоту, еще раз заставляя убедиться, что природа творит выдающиеся шедевры.

Мы были положены спать в двух больших залах – один для мужчин, другой для женщин. Спать надо было прямо на полу, укрывшись легким одеялом. Несмотря на то что 10 часов вечера для подавляющего большинства из нас было весьма ранним временем, все мы достаточно быстро заснули, тем более что нас предупредили о раннем подъеме в монастыре – в 4 часа утра.

Меня разбудил звук легкого удара по колоколу, который исходил из Зала Великого Будды. Каждый день один из монахов по очереди поднимается немного пораньше других, бьет по колоколу, читает короткую молитву в зале, а затем ходит по периметру двора, едва слышно распевая сутры. Всего этого было достаточно, чтобы мы поднялись так, как будто привыкли с рождения вставать в это время.

Вокруг стояла полная темнота, так как луна уже скрылась за горами, а до первых лучей солнца надо было ждать еще пару часов. Быстрое умывание, и вот мы, выстроившись в затылок друг другу, идем на утреннюю молитву. Все было так же, как накануне вечером, только уже вся обстановка монастыря казалась более привычной и родной. Ну а про необыкновенную свежесть, чистоту и красоту утра в горах рассказать на словах трудно. Смее заверить, это стоит пережить.

Помолившись в зале, мы под руководством монаха Кымгана сделали несколько кругов по двору монастыря, продолжая напевать сутры, слова которых «все мы пришли ниоткуда и уйдем в никуда, нет ничего, реален только Будда...» настраивали на философский лад.

Затем была церемония утренней медитации и завтрак. На этот раз прием пищи вылился в целый ритуал – с поклонами и самостоятельным мытьем посуды.

После этого мы прогулялись до аналога местного кладбища, увидев каменные ступы, в которых хранится прах умерших монахов. Там же нас ждало другое занятие – изготовление тушью на бумаге оттисков изображений различных мифических животных.

Больше всего меня поразили люди, жившие в монастыре, их отношение к окружающему миру, к другим людям. Благодаря пребыванию в обители довелось встретиться с теми, с кем трудно познакомиться в светской жизни. В монастыре принимают каждого, не отталкивают ни одну душу, обратившуюся за помощью. Во время нашего пребывания там жил чех по имени

Борек. Со слов монаха Кымгана, Борек вот уже несколько лет путешествует по буддийским монастырям разных стран и вот теперь на некоторое время остановился в Корее. Был и странствующий монах, который вот уже несколько десятков лет ходит от храма к храму по Корею. Его тоже приютили до тех пор, пока он сам не решит уйти. Для гостей есть одно правило: они должны оказывать посильную помощь в работе по монастырю – убирать двор, вести при необходимости молитвы, обучать послушников, если для этого есть необходимый уровень знаний, и т. п. А в остальном – вы сразу же становитесь своим, и при этом никто не будет докучать вас вопросами, захотите – сами расскажете о себе, а нет – и так хорошо.

Вообще, глядя на людей, которые были нашими гидами в этом небольшом путешествии по миру буддизма, я думал, что они живут полностью в согласии с собой и нашли мир в своих душах. Монахи и послушники всегда говорили со спокойной приветливой полуулыбкой, были полны терпения и внимания, не уставали поправлять неизбежные наши «ляпы» при выполнении тех или иных ритуалов. При этом, как я потом обнаружил, я постоянно ошибался в их возрасте лет на десять-пятнадцать. Практически все выглядели моложе – наверняка сказывалось здоровое питание, чистый воздух, красивый пейзаж окружающей природы, а главное, что они для себя нашли то, что искали.

Когда программа нашего «буддийского монашества» была закончена, прощаясь с нами, стоя на ступенях лестницы, соединяющей место парковки с комплексом зданий монастыря, наш наставник Кымган повторил фразу, сказанную в самом начале: «Наши двери всегда открыты, если захотите спокойствия души – приходите к нам». Я уже тогда знал, что обязательно приеду снова.

Мудрость медитации

– Приветствую вас, благодарю за то, что нашли время пройти нашу программу подготовки. Вы будете вставать в четыре часа утра, в общей сложности у вас будет около восьми-девяти часов самосовершенствования ежедневно, еда будет только самая здоровая, вместо ужина – стакан имбирного чая. Сейчас я предоставляю вам последнюю возможность на ближайшие восемь дней поговорить. Во время всего курса вам будет запрещено говорить. У вас также заберут мобильные телефоны, компьютеры, плееры и прочие устройства. Это делается для того, чтобы вы могли полностью сконцентрироваться на своем внутреннем голосе и изменить себя. По окончании курса вам будут даны новые имена, которые лучше всего отражают вашу внутреннюю сущность. Если есть вопросы – задавайте, – наставник внимательно обвел нас взглядом, немного подождал и после паузы продолжил: – Если нет, то курс подготовки к этому моменту начался...

Так начался восьмидневный курс обучения искусству дзен-медитации в монастыре Михванса, куда я вернулся через год после первичного знакомства с миром корейского буддизма по программе temple stay. В отличие от предыдущей поездки, на этот раз чувствовалось, что люди были не новички в мире буддизма. Всего же нас набралось 13 человек.

Условия жизни были вполне приемлемые – мужчины и женщины спали, конечно, в разных комнатах, но на этом разделение заканчивалось. Спали на полу, на расстеленных циновках. Туалет и душ – на улице. По-спартански, но приемлемо. С другой стороны, если бы вдруг выделили отдельные на каждого номера в стиле пятизвездочной гостиницы, то никакого ощущения монашеской аскезы и не было бы.

Вставали мы в четыре утра и ложились спать в 10 часов вечера. Медитация проходила четыре раза в день – с 5 до 6 утра, с 9 до 12 и с 2 до 5 дня и 7.30 до 9.30 вечера, всего 9 часов. Правда, вечером час от медитации могли забрать на изучение буддийских текстов. Дважды в день – после утренней медитации и после дневной (с 2 до 5 часов дня) – полагалось работать: убирать территорию, готовить на кухне и т. п.

Также дважды в день мы ели – завтрак и обед, два раза в день пили чай и один раз – вечером – нам давали морковный сок. Ужина как такового не было. После обеда было полтора часа свободного времени. Кто-то спал, кто-то медитировал, а я же стал по окрестным горам лазить по причинам, о которых скажу ниже. Еще два раза в день – сразу после подъема и после захода солнца – была молитва.

Вот примерно таков был распорядок дня. Как видно, основное время посвящено медитации, что, впрочем, и было главной целью этого «тренинга».

Предупреждения, что нам запретят разговаривать и заберут все отвлекающие предметы, не оказались пустыми словами. Если хочешь что-то сказать – пиши в блокноте, который специально выдали, а так молчи. И никаких исключений, даже если недомогание – пиши, что у тебя температура и прочее, но не говори.

Мобильники, все электронные устройства и прочие достижения современной цивилизации все сдали в первый же день, получив обратно лишь в день ухода. Причина была все та же, что для обета молчания, – чтобы ничто не отвлекало и была возможность прислушаться к внутреннему голосу души. Если поначалу было как-то неуютно без мобильного, то со второго дня почувствовал такую свободу и спокойствие, о которых потом еще долго вздыхал, вернувшись в большой город. Взамен всего этого выдали блокнот и карандаш – для общения и записей умных мыслей, если таковые вдруг появлялись.

Пожалуй, наиболее жесткие ограничения, с точки зрения «обычного» человека, касались еды. Во-первых, ужина лишили, оставив вместо этого лишь стакан морковного сока, а во-вторых, сама еда, которую давали во время завтрака и обеда, была очень легкой. Известно, что для буддистов каждое живое существо священно, поэтому из еды абсолютно исключены мясо, рыба и яйца. Точно такие же ограничения на пищу, которая «туманит рассудок», – перец и прочие пряности.

Сам же процесс приема пищи превращен в целый ритуал, к которому надо привыкнуть. Никаких столов не предусмотрено: все сидят на полу по-турецки, наборы для еды состоят из четырех плоских тарелок разного размера, которые завернуты в одно полотенце. Одна тарелка предназначена для риса, другая – для растительных закусок, третья – для супа, а четвертая для воды. Дежурный монах ставит перед каждым кастрюлю с едой. Еды можно брать сколько угодно, но важное условие – съесть надо все без остатка.

В итоге оказалось, что привыкнуть к монастырской еде – отсутствию мяса, рыбы, сладостей и прочих излишеств – достаточно просто. Главное, как мне показалось, чтобы соблазнов не было, тогда о еде и не думаешь и голод как-то не чувствуется. В нашей же цивилизации все напичкано рекламой продуктов, мы постоянно проходим мимо магазинов, ресторанов, булочных: это провоцирует аппетит. В монастыре же этого ничего нет, а потому и есть как-то не хотелось. В итоге я ради прогулок по горам по разрешению настоятеля стал и обеды пропускать – и никак от этого не страдал. Зато вечерний чай и сок казались особенно вкусными, а желудок, да и все тело были всегда легкими.

Чтобы понять, принять и начать практиковать буддийскую дзен-медитацию или хотя бы уловить ее общий принцип, необходимо знать как минимум основы дзен-буддизма. Для нас в первые два дня провели что-то типа блиц-лекций. Монах Кымган пояснил, что каждый момент нашего пребывания в монастыре должен быть подчинен достижению умиротворения, отказу от заслоняющих сущность Будды желаний. И дабы облегчить этот процесс, и введены ограничения вроде диеты и молчания.

Дзен-буддизм придерживается точки зрения, что просветления может достигнуть любой. Для этого есть разные способы: созерцание (попытки проникнуть в глубинную суть вещей), молитвы (многократное повторение одного и того же священного звука) и специальные медитации. Дзен-буддийские монахи чаще всего пытаются идти путем медитации, хотя и два других способа используются.

Но больше времени мы посвящали тому, чтобы учиться превращать свое сознание в «чистое зеркало», отражающее только реальность, без каких-либо мыслей в голове – не более и не менее того.

С технической точки зрения занятия по медитации проводились следующим образом. В самом начале дня монах Кымган парой фраз давал наставление, задание (подумать над очередным коаном, не пытаясь при этом найти логического решения, или формировать сознание-зеркало). Мы же рассаживались в зале на отведенные нам коврики в позе полулотоса или лотоса спиной друг к другу и лицом к стене, наполовину прикрывали глаза, выбирали точку для концентрации и старались освободиться от мыслей. Так продолжалось 50 минут, затем был 10-минутный перерыв, а затем снова медитация. Начало и окончание медиации сопровождалось специальным сигналом: монах брал бамбуковую палку, расщепленную с одного конца, и делал три удара себе по ладони, производя характерный щелкающий звук.

Но люди есть люди. Особенно во время самой ранней медитации с 5 до 6 утра легко было «освободиться от мыслей» путем банального засыпания. Но наш наставник все, как оказалось, видит. Он сразу брал в руки гибкую рейку, подходил к задремавшему и начинал гладить его по плечу, пробуждая. Кого «застукали» за сном, должен был, не вставая, поклониться и подставить спину, по которой наставник делал три хлестких удара рейкой. Не особо больно, но чувствительно, сон прогоняло – это однозначно. Говорят, что в древности монахов били палками и посильнее...

Дзен-медитация – уникальная психологическая работа над собой, психическое преобразование: и действительно, чем больше ей занимаешься, тем большего достигаешь. Это чувствовалось по тем из нашей группы, кто уже давно практиковал дзен-медитацию. Им наставник давал для осмысления более сложные коаны, а мы же чаще должны были заниматься освобождением сознания: и у медитации есть свои уровни.

Если же говорить совсем про мастеров, то я услышал о таком случае: одному из ведущих монахов срочно надо было делать операцию. Пациенту было уже за 80 лет, врачи боялись, что общий наркоз, без которого просто нереально было оперировать, организм монаха не перенесет. Но монах ушел в глубокую дзен-медитацию, во время которой его и оперировали. Никаких лекарств не применяли, а монах ничего не чувствовал. Вот так-то...

Монах Кымган образно пояснил, что наставник – это как курица, которая в нужное время начинает бить по скорлупе, помогая птенцу вылупиться. Но если «птенец» не созреет до выхода, то никакая «курица» не поможет. Талант наставника – почувствовать, что послушник созрел, и дать при необходимости толчок. Хотя не исключено, что и последний самостоятельно достигнет просветления, такие случаи тоже бывали и происходят до сих пор.

Кстати, когда я в последний день программы, когда нам разрешили говорить, спросил, как определяют, достиг человек просветления или нет, монах Кымган мне лишь ответил: «Он это сам чувствует. А видно или нет – все равно что спрашивать, светло сейчас или нет, когда ты морщишься от яркого солнца».

Возвращаясь к медитации, хочется сказать, что она действительно помогает почувствовать что-то иное, прикоснуться к чему-то неведомому и при этом получить заряд бодрости и отдыха за короткое время. И чем больше занимаешься, тем большего достигаешь. В первые дни, честно говоря, в голову лезла всякая чушь, было откровенно скучно – попробуйте просто сидеть по восемь-девять часов в день, не двигаясь. Но потом стало приходить понимание, а в какие-то моменты – состояние, возможно, близкое к тому самому «зеркалу-сознанию». Конечно, никакое прозрение не пришло за неделю и в Нирване я не оказался, но было какое-то ощущение, что прикоснулся к чему-то особенному, внутренне изменился.

Мы практиковали только сидячую медитацию, тогда как на более высоких уровнях можно практиковать медитацию где угодно – хоть на прогулке, хоть во время работы. Надо только уметь отрешаться и как бы «разделяться» – часть сознания работает или идет, а другая

медитирует. Новичкам это очень трудно, потому мы и находились в такой обстановке, когда ничего другое не отвлекало.

Долгие часы медитации мне давались очень нелегко. Корейцы с детства привыкли постоянно сидеть по-турецки или в позе полулотоса, у меня же постоянно затекали ноги. В итоге после долгих мучений я стал делить каждые 50 минут медитации на три периода: в первый, пока еще не уставали ноги, пытался искренне медитировать, затем мучения отвлекали и я позволял сознанию переключаться на бытовые проблемы и вопросы: планировал свои дела на будущее, что-то обдумывал, рассуждал сам с собой. Третий этап, когда ноги уже молили размять их, я просто терпел, ожидая спасительных хлопков бамбуковой палкой, возвещавших о перерыве. Иногда и не выдерживал – вытягивал ноги заранее. В перерывах же тут же бросался разминаться.

Монах, видя мои мучения, дал дельный совет: в послеобеденное свободное время ходить по местным горам, давая ногам нагрузку. Горы действительно были очень красивые, а виды сверху открывались потрясающие. После прогулок было проще переносить медитацию, так как ноги отдыхали и меньше ныли. Да и сами горные мини-походы чем-то были сродни медитации в движении – хорошо освежали не только тело, но и душу. В общем, не так-то медитация проста и с физической точки зрения. Правда, мне сказали, что многие буддийские монахи медитируют по 15–16 часов в день. После этого жаловаться на наши восемь-девять часов практики стало как-то стыдно...

Помимо медитации в нашу программу пребывания в храме вошло и изучение чайной церемонии, постижение секретов приготовления правильного зеленого чая. Как сказал Кымган, зеленый чай изобрели в буддийских монастырях и стали употреблять для того, чтобы помогать монахам не засыпать во время длительных медитаций.

Описывать в подробностях порядок корейской чайной церемонии, говорить, что куда надо переливать – дело не самое интересное. Гораздо лучше один раз попробовать самому. Просто поверьте: самая известная, раскрученная и превращенная в настоящее туристическое развлечение чайная церемония – в Японии. Но есть она и в Корее: попроще, более обыденная, зато со своими секретами. А зеленый чай следует пить следующим образом: взяли кружку, поднесли поближе – насладитесь видом напитка, затем еще ближе – вдохните уже его аромат. А потом медленно, смакуя, выпейте первый глоток, закрыв при этом глаза. Если понравилось – посмотрите в глаза тому, кто его приготовил, и молча, буквально взглядом или незначительным наклоном головы поблагодарите.

Мне очень понравилась программа обучения дзен-медитации. Однозначно – страна открылась с той стороны, с которой я раньше ее не видел. Получилось, с моей точки зрения, проникнуть за ширму неизбежно поверхностно-туристических одно-двухдневных программ пребывания в монастыре.

В практическом плане медитация отлично помогает освободиться от стресса, «встряхнуться» и посмотреть на жизнь более оптимистично, не принимать неизбежные проблемы близко к сердцу. Так что верите вы в буддизм или нет – не важно, медитация может стать хорошим методом восстановления душевного равновесия. По крайней мере, так мне показалось.

Кроме того, где и когда вы еще сможете просто подумать о себе? Отстраниться от многочисленных ежедневных проблем, действительно прислушаться к себе, да хоть и спланировать будущее, подумать, правильно ли вы живете и что следовало бы изменить?.. Этих моментов, когда мы можем поговорить сами с собой, мы зачастую лишены в нашей жизни в бетонных джунглях, в мире того, что мы называем «современной цивилизацией».

Если говорить о составе участников, то он был очень «разношерстным». Помимо меня, в нашей группе был еще один мужчина, директор обанкротившейся строительной компании. По дороге обратно в Сеул он рассказал, что хотел свести счеты с жизнью, но его уговорили побывать в монастыре. Возвращаясь назад, он уже не думал о том, что его положение безна-

дежно. Среди женщин были и домохозяйки, и школьницы, и офисные работницы. По некоторым было видно, что у них какое-то горе или как минимум очень большие проблемы. В конце же морщины на их лицах стали разглаживаться. Были и те, кто думал о стезе монаха... Люди были самые разные, но, как мне показалось, никто не ушел, подумав, что потратил время зря.

В этом, конечно, очень большая заслуга монаха Кымгана, который, как нам рассказали позже, первым в Корее организовал такую программу, увидев ее в действии в Непале и Мьянме, сумел адаптировать к условиям Кореи и сам же и повел. Кроме всего прочего, он действительно настоящий духовный наставник с большой буквы, который умеет достучаться до душ, найти к каждому человеку свой подход, правильные слова или действия.

В самом конце нам раздали сертификаты с нашими новыми именами. «Имя по паспорту – Олег, ваше новое имя как прошедшего посвящение послушника – Чисан. «Чи» – мудрость, «сан» – гора. Гора, потому что вы, как я понял, горы очень любите, а «мудрость» – то, к чему всем всегда надо стремиться. Создавайте свою гору мудрости. Если же когда-то решите встать на путь буддийского монаха, назовите имя Чисан, придумывать уже будет не надо», – сказал монах, вручая мне небольшой диплом о прохождении курса.

Церемонией озвучивания новых имен и вручения свидетельств с небольшим набором памяток завершилось наше пребывание в монастыре. Мы потом прошли в небольшую чайную монастыря, попили приготовленный монахом напиток, поговорили вдоволь, так как запрет на разговоры был снят. Хотя казалось, что за все это время мы не умолкали: и спорили, и вместе размышляли, – далеко не всегда для этого необходимы слова, часто они даже мешают.

«Вы отдали часть своей души монастырю, а он в свою очередь поделился с вами частичкой себя. И вы, и он стали немного другими, – сказал нам на прощание Кымган. – Двери Михванса всегда открыты для вас, это ваш дом. Приходите всегда, когда захотите. Даже если меня не будет, монастырь вас будет помнить. И еще – просто помните, что Будда, просветление, Иисус, Всевышний – назовите его как угодно – это в вас уже есть, надо просто постараться открыть это состояние в себе. Делайте добрые дела и не надейтесь на благодарность. И каждый день старайтесь хотя бы на минуту прислушаться к своему внутреннему голосу – он поможет вам преодолеть все трудности и страдания обычного мира» – таким было напутствие нашего наставника, который затем поклонился нам, сложив ладони перед собой, улыбнулся и не спеша стал подниматься назад в монастырь. Мы же, не стовариваясь, остановились, чтобы напоследок взглянуть и на Михванса, и за выраставшие за ним горы Тальсмасан, и на расстилавшуюся впереди гладь океана...

Остров Вedo – рай, созданный людьми

Жил-был несколько десятков лет назад в Южной Корее обычный рыбак. Однажды он вышел ловить рыбу, но в открытом море его застиг тайфун. С большим трудом рыбак все-таки сумел добраться до ближайшего острова, в бухте которого укрылся на своей шхуне и переждал непогоду. Когда буря стихла, рыбак решил посмотреть на подаривший ему спасение остров, погулял по нему. Остров ему понравился. Вернувшись домой, он рассказал о спасительном острове своей жене. Приехали вместе они туда снова, посмотрели – и так понравился им остров, что они решили купить его и создать там огромный ботанический сад с самыми экзотическими растениями. Три десятка лет неустанной работы, штудирование книг по ботанике, терпение и вера в себя сделали свое дело. Там, где раньше росли лишь сосны и трава, раскинулся поразительный по красоте сад – с кактусами, камелиями, пальмами, многочисленными цветами. Так двое дружных и любящих друг друга людей создали рукотворный рай.

Это достойная сюжета красивой мелодрамы история – не сказка, а быль. Остров, который превратился в райское место, называется Вedo. Он расположен у южной оконечности Корейского полуострова. Рыбака звали Ли Чхан Хо, а его жену – Чхве Хо Сук. Та судьбоносная в жизни этих двух людей буря заставила укрыться Ли у острова в 1969 году.

В том же году они и купили Вedo и сразу же стали превращать его в ботанический сад под открытым небом. Они преуспели в своем начинании и прожили, как призналась Чхве в своей книге «Самый красивый остров на Земле», на Вedo самые счастливые годы жизни. В 2003 году Ли умер, жена посвятила ему трогательные стихи, которые сейчас можно увидеть выгравированными на местном памятнике, а сама вернулась на материк. Права на управление островом были переданы государству. Сейчас Вedo – одно из самых популярных мест среди туристов, добирающихся до южного побережья Кореи. Сюда ежедневно приходят десятки прогулочных судов, а в курортный сезон здесь бывает ежедневно более десяти тысяч человек.

Остров Вedo действительно стоит посетить. Творцы этого рая Ли и Чхве подобрали растения таким образом, что здесь распутившиеся цветы можно видеть все 365 дней в году. А всего здесь около трех тысяч видов растений. Если перестать сравнивать с раем, то в целом впечатление такое, что попал на какой-то сказочный тропический остров, да и общее настроение получается очень светлое и праздничное.

При этом нельзя сказать, что все это далось создателям ботанического сада легко. Вокруг достаточно много островов, но там вы не увидите такого буйства красок и разнообразия растений. Как правило, только трава и сосны. Тоже весьма красиво, но Вedo на этом фоне выглядит особенным и ярким, каким-то гостем из красочного мира.

Если быть точным, то Вedo состоит из двух рядом стоящих островков – Западного и Восточного. Ли и Чхве создали рукотворный рай на Западном острове, а Восточный специально оставили нетронутым, чтобы можно было наслаждаться как природной, так и рукотворной красотой. И то, и другое заставляет замирать от восхищения, но пейзажи очень разные, почему их и интересно сравнивать.

Вedo не очень большой. Туристов сюда привозят на полтора часа, не разрешая оставаться с ночевкой. Этого времени хватает, и чтобы заглянуть во все уголки, и чтобы выпить в местном кафе чашку кофе или чая. Последнее, кстати, следует сделать обязательно. Кафе стоит на очень красивом месте – на обрыве скалы, откуда прекрасно видны и раскинувшийся в западной части разноцветный ботанический сад, и строгая природная красота восточного уголка Вedo.

В общем, остров Вedo – однозначно одна из самых ярких жемчужин Южной Кореи с точки зрения достопримечательностей. Поездка на остров оставляет неизгладимое впечатление, особенно если представить, что все это великолепие создано двумя людьми – мужем и женой.

Автомобильная соната в стиле «Хендэ»

Первое, что я увидел, въехав на территорию завода компании «Хендэ Мотор», было... небольшое стадо оленей. Хотя я ожидал какого-нибудь пафосного памятника, где с высоты на всех гордо бы смотрела какая-нибудь древняя машина, «которая положила начало славным традициям концерна...» Но были именно олени, пускай и в специально отгороженном загоне. Не ожидал, что они будут пастись прямо на территории одного из самых крупных заводов ведущего автомобилестроительного концерна страны.

– Олени? – переспросил я у сопровождавшего меня сотрудника пресс-службы Hyundai Motor Им Иль Хвана.

– Ну да, олени, пятнистые, не крокодилы же, бояться не надо, – рассеянно пошутил он и пояснил: – Символ того, что мы об экологии заботимся. В других компаниях в сбрасываемых в природу сточных водах рыб разводят в доказательство чистоты, а мы решили оленей завести. Многие так делают. Пойдемте, а то нас уже заждались.

Так началась моя экскурсия на завод флагмана южнокорейского автомобилестроения – компании Hyundai Motor. Выбранный для осмотра завод был не самым большим среди всех, имеющихся у «Хендэ», но одним из самых современных. Он расположился в местечке Асан провинции Южная Чхунчхон.

Не думай о секундах свысока

В административном комплексе мне выдали пару буклетов, показали рекламный фильм про завод и повели на сам завод. В фойе здания на специальном постаменте стояли два автомобиля – Sonata и новая модель Grandeur.

– Вот эти две модели мы и производим на нашем заводе. Кстати, все идущие на экспорт в Россию модели Sonata делает только наш завод, – пояснил представитель пресс-службы завода.

Я покивал с внимательным видом, обошел «Сонату» вокруг, сфотографировал машину – в общем, сделал «умное лицо», как принято говорить.

Когда вернулся к моим экскурсоводам, меня ждал неожиданный вопрос:

– Сколько времени вы потратили на осмотр машины?

– Ну, не знаю, наверное, минуту, может чуть больше, – ответил навскидку я.

– Где-то так. И вот этого времени нашему заводу хватило, чтобы сделать еще одну машину. Каждые 55 секунд с конвейера сходит новая Sonata или Grandeur. За год завод производит 300 тысяч автомобилей и 850 тысяч двигателей. Пойдемте на сам завод, – предложил провожатый.

И никого...

Автомобилестроительный завод – сооружение весьма большое. Чтобы сэкономить время, экскурсию организовали на специальном электромобиле. Проехав некоторое время по территории завода, мы остановились перед большой дверью одного из корпусов, которая быстро поднялась, пропуская нас внутрь.

– Добро пожаловать непосредственно на завод. Здесь – самое начало производственного процесса, – сказал гид, указывая на большие круглые рулоны металла. – Вот так выглядит машина в самом начале – кусок железа.

Мимо нас, наигрывая мелодию русской «Катюши», быстро проехала большая платформа. Еще парочка таких же «транспортных средств» деловито сновали в другом углу. Но людей я не увидел вообще, даже эти платформы катались самостоятельно.

– У нас все максимально автоматизировано. Людей на этом этапе – штамповке – вы особо не увидите. Транспортные платформы двигаются по специальным сенсорам. Получив отштампованные детали, она везет их на другой участок.

Царство роботов

Мы стояли на специальном мостике, а под нами в линию один за другим на несколько десятков метров выстроились корпуса автомобилей. По бокам от линии конвейера, похожие на огромных механических солдат, стояли трех-четырёхметровые «руки» – такова была пришедшая в голову ассоциация.

Мои экскурсоводы молчали и внимательно смотрели на эту картину. Я не понял, что там захватывающего, но решил повременить с вопросами и тоже стал наблюдать. Корпуса автомобилей проехали дальше, уступив место другим, и все опять замерло.

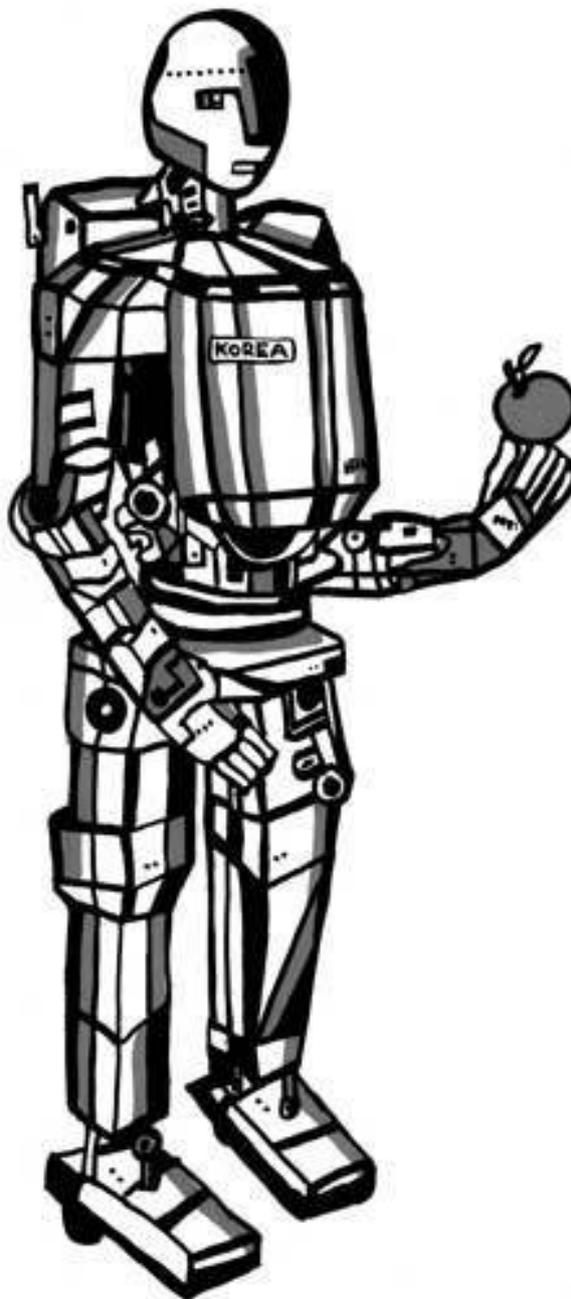
Прошла пара секунд, и вдруг по невидимой команде эти самые «руки», быстро продвинувшись вперед примерно на метр, «накинулись» на автомобили. Я даже немного испугался: все резко ожило, закрутилось, замелькало: «руки», складываясь по несколько раз, стремительно касались самых разных точек автомобиля, проникали внутрь, выпуская при этом тонкие лучи света. Сделав одно, известное только ей дело, каждая «рука», каким-то чудом не столкнувшись со своим работавшим собратом, тут же спешила отметить лучом другую точку корпуса машины. Казалось, что попал в один из тех фантастических фильмов, где господство на планете захватили машины.

– Впечатляет, не правда ли? – с улыбкой спросил Им, увидев, как я увлеченно слежу за процессом. – Здесь один из этапов контроля, все делают роботы. Они лазером проверяют соответствие параметров сборки, каждый узел.

Тем временем роботы все вместе, как бы выполняя команду невидимого дирижера, вдруг прекратили работу, выпрямились и отъехали вбок – этот этап производства автомобилей был завершен. Проверенные корпуса машин поехали дальше, им на смену пришли новые, и все закрутилось после небольшой паузы снова...

Современное автомобильное производство невозможно без роботов. На этом заводе Hyundai Motor работают около 330 видов роботов. Таких «уголков царства умных машин», где абсолютно не было людей, а все делали гигантские «руки», на заводе довелось увидеть довольно много. Роботы играючи поднимали и устанавливали в машины аккумуляторные батареи, вкладывали в багажники колеса-запаски, лихо «впечатывали» лобовые стекла, тут же приклеивая их к дугам корпуса, и делали еще много чего другого. Помимо впечатлившего меня этапа «обмерки и контроля» примерно такая же картина царила и на этапе сварки. Только там вместо тонких лучей лазеров все было расцвечено снопами искр сварочных аппаратов.

На дальнейших этапах стало появляться уже побольше людей. Но все равно впечатления многолюдности на заводе не было нигде. Все, насколько это возможно, автоматизировано и механизировано.

Залог успеха в современной автомобильной отрасли, да, впрочем, и в любой другой – четкая и эффективная организация производства. Весь процесс, начиная от подвоза стальных рулонов до прогона уже готовой модели на специальном полигоне, расписан по секундам. На все есть свое четко установленное время. Потому, когда говорят, что очередная машина сходит с конвейера каждые 55 секунд, будьте уверены, что это именно так. В одном месте, кстати, на глаза попало специальное табло, на котором «отщелкивались» эти самые 55 секунд, показывая, сколько осталось до выхода очередного готового автомобиля.

Контроль и проверка, проверка и контроль, а потом еще раз контроль

Автомобиль состоит примерно из 300 тысяч деталей. Неполадка одной может привести к тому, что машина в самый неподходящий момент встанет. А потому много времени, внимания и сил при производстве машин тратятся на проверку и контроль качества. Те самые роботы-обмерщики за время своей работы успевают проверить каждый корпус автомобиля в 54 местах по 136 направлениям. И это лишь один из многочисленных этапов контроля, присутствующих на заводе Hyundai Motor в Асане.

Кульминацией всего процесса становится прогонка машины по специальному полигону длиной более трех километров. Здесь уже собранные и готовые модели проверяют на всех мыслимых и немыслимых режимах, стремясь выявить хотя бы малейший намек на неисправность или скрытую неполадку. Конечно, без брака не обходится ни одно производство. «Хендэ Мотор» свело этот показатель до уровня менее трех процентов. Естественно, что с выявленной неполадкой в продажу не уходит ни одна модель. По словам сотрудников, на трехкилометровом тестовом полигоне машины попадают в руки таких специалистов, которые по малейшему нестандартному звуку или скрипу могут тут же сказать, в чем заключается неполадка и на каком этапе производства допущена ошибка.

Когда ученик становится учителем

«Ученик внезапно стал учителем» – таков заголовок статьи одного выпуска американского автомобильного журнала «Car». Как можно догадаться, такие хвалебные эпитеты были сказаны именно в адрес Hyundai Motor. Их новая «Соната YF» была отобрана американскими экспертами в числе «десяти лучших машин 2011 года» в сегменте автомобилей стоимостью до 80 тысяч долларов. Журналу понравился и двигатель новой модели «Хендэ», и дизайн машины, да и вообще удивились американцы, не пожалев даже такого лестного эпитета, как «беспорное величие». Естественно, что сами представители Hyundai Motor этим хвалебным оценкам со стороны независимых экспертов обрадовались, сказав: «Это означает, что мы догнали мировых грандов и теперь сами выбиваемся в лидеры».

В общем, растет Hyundai Motor и успешно конкурирует с лидерами мировой автоиндустрии. Среди специалистов в сфере экономики достаточно важным показателем считается стоимость бренда той или иной компании. В 2017 году бренд Hyundai Motor оценили более чем в 23 миллиарда долларов. Это 43-е место среди всех компаний мира и 7-е место среди тех, кто производит автомобили.

Когда спросил про дальнейшие планы «Хендэ Мотор» как концерна, получил ответ: «Производить больше и в разных странах мира». Конечно, если брать отдельно взятую страну, то самым большим и перспективным для себя рынком Hyundai Motor считает Китай. Но и Россия – среди самых приоритетных направлений, доказательством чего стал открытый в 2010 году под Санкт-Петербургом завод «Хендэ». Он, кстати, стал первым в России заводом полного цикла, построенным иностранным автомобилепроизводителем.

Южнокорейский рынок слишком мал для Hyundai Motor, а потому ставка на зарубежье неизбежна. На заграничных заводах компании производится уже больше автомобилей со значком Hyundai Motor, чем в самой Южной Корее. Продаются же машины этого южнокорейского производителя, согласно данным «Хендэ», в более чем 200 странах, то есть фактически в каждом государстве мира.

Аэропорт, куда хочется прилетать снова и снова

На веб-сайте Инчхонского международного аэропорта (ИМА) вас встречает бодрый баннер: «Добро пожаловать в лучшие воздушные ворота мира!» Преувеличение? Да нет, скорее констатация объективного факта. С самого начала работы в 2001 году и до сих пор ИМА входит в тройку лучших аэропортов мира, при этом несколько лет подряд признавался самым лучшей воздушной гаванью планеты.

Для Южной Кореи это реально главные ворота страны. Единственная сухопутная граница – с Северной Кореей – фактически перекрыта, так что люди за границу выбираются в основном самолетом. По итогам 2017 года через ИМА за год прошло почти 58 миллионов человек, или примерно 159 тысяч пассажиров в день.

В администрации аэропорта доброжелательно восприняли желание приехать и посмотреть на жизнь ИМА изнутри, поставив при этом два условия: определиться заранее, что больше всего интересует (аэропорт все же очень большой), и никаких фотографий (соображения безопасности).

История аэропорта

До марта 2001 года главным аэропортом Южной Кореи был находящийся в пределах столичного города Сеула Кимпхо. Но уже давно было ясно, что возможности этих воздушных ворот ограничены. Поэтому кандидатуру на замену искали давно. С 1992 года были отобраны 14 мест, из которых в итоге победило... морское дно. Именно так. На месте нынешнего крупнейшего аэропорта Южной Кореи ранее плескались волны. Три небольших островка соединили большой дамбой, насыпали землю и получилась шикарная площадка, где и возвели аэропорт. Весь процесс – от отбора кандидатур до официального открытия – занял более восьми лет: с ноября 1992 по март 2001 года.

Первое, что бросается в глаза, аэропорт – интересный, изящный, имеет воздушный дизайн и выполнен в футуристическом стиле. Архитектором был француз, и, как видно, он сумел оправдать ожидания заказчиков. Как сказал начальник пресс-службы ИМА Ким Хан Ён, Инчхонский аэропорт нравится и пилотам. Он очень удобен с точки зрения взлета-посадки, а также во всей своей красе видна гладь Желтого моря. Несмотря на достаточно большое количество пассажиров, проходящих ежедневно через аэропорт, не создается впечатления, что он переполнен. Наоборот – все дышит светом, простором.

Как и водится у людей Востока, во всем есть свой символизм. То же самое и с дизайном аэропорта: он выполнен в виде большой дуги, от которой перпендикулярно отходят два рукава. Это символизирует морской порт, напоминая о находящемся рядом Желтом море. На это мало кто обращает внимание, но на самих рукавах есть железные столбики, имитирующие кнехты, на которые в морских гаванях наматывают канаты, удерживая суда у пристани. Транспортный центр, если смотреть с высоты птичьего полета, выполнен в виде самолета. То есть воплощена идея единения моря и воздуха.

Но не зря корейцы выбрали именно морское дно в качестве места для аэропорта. Теперь зато не возникает проблем с расширением. Места набрали на много лет вперед. Вторая фаза аэропорта была запущена в 2008 году, а в январе 2018 года был введен в строй второй терминал, куда перевели часть авиакомпаний.

Ну а мы пройдем внутрь и посмотрим, как же работает лучший в мире аэропорт...

Зал вылета и регистрации

Пожалуй, именно на стадии регистрации и вылета в Инчхонском аэропорту довелось столкнуться с невероятным обилием различных идей, приспособлений, систем, целью которых является одно – ускорить процесс обработки пассажиров. Пассажиропоток важен и по сугубо материальной причине. Основные прибыли ИМА получает именно за счет аэропортного сбора, который включен в стоимость билета – 16 000 вон (около 13 долларов) с человека. Больше людей прошло – больше прибыли.

«В целом стратегия такова, чтобы стимулировать людей самих взять на себя работу по регистрации. Это выгодно как самим пассажирам – могут пройти регистрацию заранее, когда время есть, что избавляет от необходимости стоять в очередях, и выбрать удобное место, – так и нам, так как увеличивается скорость обработки пассажиров», – пояснил начальник группы U-airport Чхе Хён Гю.

Паспортный контроль

Теперь перейдем к одному из самых ответственных и зачастую проблемных направлений работы аэропорта – паспортный контроль. Как рассказал представитель отдела иммиграции аэропорта Ён Чхан Сик, главная цель – по мере возможности максимально автоматизировать весь процесс. Как сказал чиновник, в ИМА применяется два подхода – с участием людей и автоматический. Все делается для того, чтобы максимально сократить время прохождения контроля.

Что касается первого, то здесь использован «командный подход». У отдела иммиграции в резерве постоянно находятся несколько групп офицеров паспортного контроля. Если где-то образуется очередь, то дается команда на открытие дополнительных стоек контроля и задействование отдыхающих офицеров.

Другой подход – открытие автоматических электронных ворот, которые доступны как гражданам Кореи, так и проживающим более трех месяцев в стране иностранцам. За действием электронных ворот паспортного контроля довелось наблюдать самому – сначала считываются данные паспорта, а затем отпечатки пальца и делается фотография. «При использовании системы электронных ворот на каждого пассажира тратится в среднем 10–12 секунд. У нас быстрее, чем у главных конкурентов – Сингапура и Гонконга. Там в среднем 14 секунд», – с гордостью отмечает господин Ён. Аналогичные ворота есть и на паспортном контроле на прилете.

«Мы стараемся обработать каждого человека как можно быстрее. Чем больше пропускная способность аэропорта, тем больше доходы. Поэтому мы кровно заинтересованы в быстром проходе пассажиров. Но надо думать и о другом – безопасности. В погоне за доходами нельзя пропустить нелегалов, не говоря уже о возможных террористах и прочих нежелательных личностей. Лиц с поддельными паспортами выявляем практически каждый день, я не преувеличиваю. Я поэтому прекрасно понимаю коллег из других стран, кто тратит больше времени на проверку приезжающих иностранцев. Тут лучше перестраховаться, но мы пытаемся подготовиться заранее, чтобы не задерживать желанных гостей», – отмечает сотрудник иммиграционной службы.

Получается борьба между скоростью и безопасностью. Самый напряженный момент для офицеров паспортного контроля – это работа на прилете. «Мы работаем в тесном сотрудничестве с иммиграционными службами и авиакомпаниями других стран. Через два часа после взлета любого самолета нам направляют список пассажиров. Мы их сразу проверяем по своим базам данных и выявляем возможных «проблемных» гостей. Если же время полета менее двух

часов, то списки пассажиров мы получаем немедленно, как только самолет получает разрешение на взлет. Это позволяет нам сэкономить время», – поясняет господин Ён.

Секретом Полишинеля является то, что у каждой службы паспортного контроля есть свой негласный рейтинг так называемых «проблемных» стран. Если у офицера иммиграционной службы возникает необходимость поподробнее пообщаться с въезжающим, чтобы выяснить его мотивы для посещения, то это делается не за стойкой паспортного контроля. Такого интуриста вежливо просят пройти в расположенную рядом следственную комнату, где беседу продолжат следователи.

«Все наши сотрудники помимо корейского обязательно говорят как минимум на английском языке. Это далеко не правило для паспортного контроля в других странах. Кроме того, у нас в следственных подразделениях есть свои переводчики и с остальных языков – китайского, японского, немецкого, французского, русского, испанского, тайского, арабского и других», – отмечает офицер Ён.

Транзитная зона

Транзитная зона Инчхонского международного аэропорта, а также непосредственно зона вылета являются предметом особой гордости местных служащих. Как сказал смеясь менеджер транзитной зоны Ким Юн Соп: «Мы постарались сделать все так, чтобы вам в итоге не захотелось уезжать отсюда, а если вы пролетом, то обязательно прилететь уже специально в Корею». Судите сами: в транзитной зоне, а также в зоне вылета помимо традиционных магазинов беспошлинной торговли, которых, кстати, в ИМА великое множество и разнообразие, есть несколько небольших музеев. В них в ненавязчивой форме рассказывают о культуре, быте, основных достижениях Кореи. Несколько раз в день специально приглашенные артисты проводят небольшие концерты традиционной музыки, исполняют корейские танцы, демонстрируют ритуалы и прочее. Есть специальные залы, где под руководством специалиста можно попробовать свои силы в рисовании корейских традиционных узоров, вышивке, игре на музыкальных инструментах и прочее.

«Всем известно, что нахождение в транзитной зоне часто является одним из самых скучных способов времяпровождения. Мы же пытаемся сделать так, чтобы иностранным гостям было интересно, чтобы время летело быстрее, да и смогли при этом расширить свой кругозор, узнав побольше о нашей культуре. Глядишь, потом и приедут к нам, а не просто побывают транзитом», – говорит Ким.

Если у вас много времени до следующего своего рейса, то можете заказать себе экскурсии по расположенным в окрестностях аэропорта достопримечательностям. Маршруты включают полноценные экскурсии по Сеулу, буддийским храмам, демилитаризованной зоне, разделяющей Южную Корею и Северную, и еще многое другое.

Но в транзитном зале не забывают и об обычном отдыхе, не «нагруженном» элементами традиционной культуры. Есть небольшой кинозал, игровая комната для детей, зал для грудных детей, помещение для молитв и медитаций. Можно также воспользоваться душем или подремать некоторое время на специальных больших полулежачих креслах. Также к вашим услугам и платные заведения – от сауны, педикюра и массажа до ресторанов, кафе и специальной гостиницы транзитного зала. Все при этом, подчеркну, очень чисто, опрятно.

Обработка багажа

Когда прилетел в Корею в первый раз через ИМА, самой приятной неожиданностью было малое время ожидания багажа. Даже если паспортный контроль прошел очень быстро, то часто получается, что уже багаж ожидает тебя, крутясь на ленте транспортера, а не наоборот.

Начальник отдела обслуживания ИМА Чхве Хун, который ведает в том числе и системой обработки багажа, лишь пожимает плечами: «Особых секретов у нас нет: просто надо отладить систему – от выгрузки багажа из самолета до подачи на транспортер».

В ИМА, как пояснил Чхве, регулярно два раза в год засекают среднее время, которое требуется пассажиру, чтобы пройти от борта самолета до ленты транспортера багажа с учетом паспортного контроля и прочих дел. Два раза – один раз в самый пик пассажиропотока и раз в самый незагруженный сезон. Высчитывают это время, и с учетом его и подают багаж. «В среднем, как мы выяснили, пассажир от двери самолета до ленты транспортера добирается за 30–35 минут. С таким расчетом мы и обрабатываем багаж. Если слишком поздно подадим – это плохо, если слишком рано – тоже нет надобности. Потому постоянно и следим, чтобы подавать тогда, когда надо», – говорит Чхве Хун.

Важную роль в этом процессе играет и таможенный досмотр грузов. Тут как и на паспортном контроле – скорость против безопасности. Основная нагрузка приходится на сотрудниц таможенной службы, которые всю смену сидят перед сканерами. Все сотрудники – женщины, так как представительницы прекрасного пола, оказывается, более внимательны и скрупулезны, чем мужчины. Среднее время, которое отводится на просмотр единицы багажа через сканер, – три секунды. Говорят, что сотрудницы с 15-летним стажем работы по оттенку цвета на мониторе могут точно сказать, какой сорт виски перевозится в багаже.

Контрабанды в Корее тоже хватает, но наркотики или оружие попадают нечасто. Лидер контрабанды по итогам последних трех лет – виагра, на втором месте – продукты питания, на третьем – спиртное. У россиян, кстати, постоянно конфискуют колбасу и сыр – не положено. За это не штрафуют, но уговорить таможенника пропустить родную «Докторскую» вряд ли получится.

Транспортный вопрос

Добраться к ИМА или выехать из него можно на метро, автобусах, такси или, естественно, на личной машине. Что касается автобусов, то на них от аэропорта можно доехать практически до любого более-менее крупного города Южной Кореи, не говоря уже о самом Сеуле или его пригородах. Скоростная дорога, ведущая к аэропорту, имеет выход на общую сеть скоростных автомагистралей страны, так что ездить на автобусе из другого города в аэропорт очень удобно. Ходит и специальный поезд метро, который связывает ИМА с аэропортом Кимпхо. Метро аэропорта потом выходит и на обычную систему метрополитена.

На своей машине также удобно добираться до аэропорта – парковочных мест много. Проблему с пробками решили довольно просто. Вместе с ИМА построили отдельную скоростную платную автомагистраль, которая ведет только к нему. С пробками можно столкнуться, лишь когда пробираешься в сторону аэропорта через Сеул. То есть в целом проблема с тем, как добираться до или от ИМА, решена очень грамотно.

Секреты успеха

– Как у нас получается удерживаться на первых местах? Даже и не знаю. Просто делаем свое дело, стараясь при этом исправлять ошибки, – скромничает начальник отдела обслуживания ИМА Чхве Хун.

Удерживать, тем более столько лет подряд, пальму первенства лучшего аэропорта в мире нелегко. Но у ИМА получается. Рейтингов много, но самый авторитетный тот, который проводит расположенная в Швейцарии Международная ассоциация аэропортов. Опрос среди пассажиров проводится по 34 параметрам: начиная от уровня цен, вкуса еды в ресторанах и вежливости сотрудников паспортного контроля до скорости доставки багажа и чистоты туалетов.

Конкуренция в борьбе за титул лучшего аэропорта идет жесточайшая. Не проходит и пары недель, чтобы какой-либо из крупных аэропортов не заявил о введении новых систем, расширении мощностей, совершенствовании сервиса и прочем. Но ИМА всегда – как минимум в тройке лучших, а зачастую и № 1 на планете.

Если резюмировать, то не зря все, кто попадает в ИМА, потом очень по-доброму вспоминают этот аэропорт. Все сделано, как говорится, «для людей». Ехать удобно, парковок хватает, помещения просторные, дизайн стильный, цены в ресторанах не зашкаливают, курсы в пунктах обмена валют соответствуют тому, что и в городских банках, мест посидеть достаточно, очереди если есть, то небольшие. Кстати, многие идеи, которые были реализованы в Инчхоне, потом получили распространение и в других аэропортах мира. Тут и нам стоит много чему поучиться.

Сердце конституционного правосудия Южной Кореи

«В месяц мы получаем от граждан примерно одну- две тысячи заявлений с просьбами проверить на соответствие Конституции те или иные законы или правила. Но далеко не все эти просьбы на рассмотрение удовлетворяются по объективным причинам. В реальности наши судьи проводят заседания и выносят вердикты примерно два раз в месяц, не чаще. Как правило, это вопросы, которые затрагивают очень важные проблемы и законы», – рассказал начальник пресс-службы Конституционного суда (КС) Южной Кореи Ким Хэ Ун, проводя нас по небольшому, но весьма симпатичному и аккуратному парку, разбитому по периметру здания КС.

Небольшая справка

Конституционный суд Республики Корея в его современном виде был сформирован относительно недавно – в 1988 году. Является независимым судебным учреждением. Вердикты выносят девять судей путем голосования. Для некоторых решений требуется не простое большинство голосов судей, а две трети согласившихся от всего состава судей. Из девяти судей по три назначают президент страны, глава Высшего суда Кореи и Национальное собрание (парламент).

КС рассматривает на предмет соответствия главному закону страны различные другие законы, правила, постановления и решения, а также выступает посредником при разграничении полномочий между функциями государственных структур, выносит окончательные решения по вопросам импичмента президенту страны, роспуску политических партий и прочим важнейшим вопросам.

Вне политики, партий и общественного мнения

Пока мы шли по парку, из-за ограды доносились довольно-таки громкие выкрики – перед входом в комплекс КС стояла группа одетых в военный камуфляж пожилых людей. На развернутом транспаранте было написано: «Требуем роспуска Объединенной прогрессивной партии (ОПП)».

«Нам приходится выступать финальными арбитрами в самых серьезных спорах. Вот и сейчас судьи должны принять решение запрещать ли ОПП или нет, депутат и многие члены которой арестованы по делу о подготовке мятежа в пользу КНДР. Понятно, что это непростое решение, кто-то обязательно останется недовольным, но его надо будет принять, и мы сделаем это», – пояснил начальник пресс-службы. На вопрос о том, принимают ли судьи КС в расчет доминирующее общественное мнение и прочие «внешние факторы», Ким был категоричен: «Ни политику, ни партийные симпатии, ни общественное мнение не могут приниматься во внимание. Решение должно быть максимально объективным. Единственный критерий – соответствие либо противоречие Конституции».

Правда, он признал, что по одним и тем же вопросам в разное время судьи могут выносить разные решения. «Наше общество меняется, меняются обычаи, устои, философия права, а потому в определенной степени справедливо, что по тем или иным проблемам в разные эпохи могут выноситься различные решения», – пояснил Ким.

Присоединившийся к нам потом один из девяти конституционных судей Кан Иль Вон признал, что работа его непростая. «Представьте сами, что это за ответственность. С другой стороны, это и огромная честь. А по сути же мы, получается, определяем те принципы и суть права, на основании которого живет наше общество в настоящее время, – отметил он. –

Понятно, что мы тоже люди. Так или иначе у каждого из нас свои взгляды, система ценностей, но мы делаем все для того, чтобы в расчет брался только закон без внешних факторов», – подчеркнул конституционный судья Кан. Про свои политические предпочтения он тактично отметил: «Меня можете считать самым нейтральным. Я являюсь как раз компромиссной фигурой, которую выдвинули от парламента совместно правящая партия и оппозиция».

Место работы судей

Сам по себе КС Южной Кореи представляет собой вытянутое пятиэтажное здание. Вход открыт для всех, но в первую очередь в то крыло, где принимаются заявления для суда. Сделать заявление можно и по Интернету. «За подачу заявления на рассмотрение того или иного вопроса мы денег не берем. Кроме того, можно сделать это и из дома – по Интернету. Наверное, поэтому у нас так много запросов», – рассказал глава пресс-службы КС Ким Хэ Ун.

Здание Конституционного суда выглядит «стандартной коробкой» снаружи, но весьма оригинально внутри. «Архитектор получил специальный приз за это здание. Сейчас, может, выглядит и не особо прогрессивно и новаторски на фоне современных строений, но в то время, когда здание КС было построено, это было очень даже необычно и оригинально», – пояснил глава пресс- службы Ким Хэ Ун.

Внутри здание покое. В центре – пустое пространство до самой крыши, переходящей в купол, а кабинеты и различные подсобные помещения расположены вокруг этого «столба», опоясывая его по кругу. На крыше разбит симпатичный садик с хорошим видом на окружающий город.

Довелось побывать и в самом сердце КС – главном зале суда, куда может прийти любой желающий в день принятия решений. В принципе, все как в «обычном» суде: у одного конца большой стол, где стоят кресла для девяти судей КС, чуть пониже места для стенографисток, напротив друг друга – места для истца и ответчика и их адвокатов. Чуть подальше и по центру – место для свидетелей. Затем за небольшой перегородкой идут ряды сидений для публики.

Гостеприимные экскурсоводы настояли, чтобы все желающие журналисты почувствовали себя судьей КС, усадив репортеров в кресла судей и сделав фото на память. Как и полагается в суде, рядом тут же была и отдельная комната, куда удаляются судьи для обсуждения и совещания. Там стоит длинный стол с креслом для главы суда у торца и по четыре кресла по обе стороны стола для обычных конституционных судей. На прощание гостеприимный глава пресс-службы КС Ким Хэ Ун призвал журналистов «почаще заходить в гости, даже просто так – на чашку кофе».

Корейский марафон: заметки участника забега

С чего все началось

А началось все даже очень по-русски. Есть у меня один большой корейский друг по фамилии Ом – инструктор по винд-серфингу, горным лыжам, парашютам и т. п. – в общем, этих инструкторских корочек у него не менее десятка. Окончил факультет физкультуры, был членом национальной сборной Южной Кореи по байдарке и каноэ, служил в десанте, а сейчас руководит клубом экстремальных видов спорта. Сидели мы с ним как-то раз в вагончике его клуба на берегу реки Ханган, протекающей через Сеул. По корейской традиции мы решили отметить окончание рабочего дня и красивый закат стопкой-другой местной водки, что уже совершенно по-русски привело к длительному застолью. Количество выпитого алкоголя приближалось к отметке «плохо совместимого с жизнью», разговор пошел на традиционную для такого состояния тему: «кто кого и в какой степени уважает» и т. п. Он мне начал жаловаться, что, мол, жизнь скучна, ничего нового, все рутина. Я про себя только ухмыльнулся, подумав: «Точно, вот у тебя прямо полнейшая рутина: летом – на серфинге катаешься, прыгаешь с парашютом, зимой – не вытащишь с горнолыжных курортов. Вот то ли дело сплошной кураж с 9 утра до 6 вечера в офисе перед компьютером сидеть, составляя мало кому нужные справки, диаграммы, таблицы...» Так я ехидно подумал, но все же сумел состроить сочувствующе-понимающую физиономию.

– Вот ты мне дай новую интересную идею, посоветуй, может, есть чего интересное? – продолжал наседавать Ом.

– Такие вещи с кондачка не решаются! – отмахнулся я цитатой классиков советского кино.

Молчание, вздох, очередной тост за здоровье. Идея не появлялась. И тут наши взгляды упали на газету «Чосон Ильбо», на которой была разложена нехитрая закуска. Несмотря на присутствовавшие в качестве закуски только корейские приправы и прочие солености, разложенные на газете, она уже приобрела почему-то тот самый знакомый оттенок, при виде которого все в России начинают пытливо интересоваться: «Ты что сюда селедку заворачивал?». Но даже сквозь расплывшиеся пятна жира отчетливо было заметно объявление о начале регистрации участников на марафон в городе Чхунчхон.

Мой приятель и я молча уставились друг на друга. В глазах у него отчетливо билась мысль, желание что-то сказать, но язык, по всей видимости, объявил бойкот мозгу и отказывался сотрудничать. Наверняка я выглядел так же, потому что тоже не смог сразу выговорить...

Через несколько секунд мы практически одновременно выпалили один и тот же вопрос:

– Ты бегал когда-нибудь марафон?

– Нет, – последовал синхронный ответ.

– Вот тебя и идея, – подытожил я.

– Не тебе, а нам, – уточнил Ом.

– Спрашиваешь! – Похоже, что язык решил меня наказать и ответ вылетел раньше, чем мозг осознал, чем мне это может грозить...

На следующий день было все так же в лучших традициях жанра: большая голова, риторический вопрос «ну зачем так надо было много пить?!», но при этом в голове четко пульсировала фраза «марафон». Цена обещаниям, данным в таком состоянии не очень большая, но ведь слово-то дал... От раздумий о перспективах моей дальнейшей судьбы меня оторвал звонок Ома.

– Олег, привет! Ты как?

– Могло быть и хуже, но жив вроде, – ответил я.

Пауза, потом кореец осторожно стал ходить вокруг да около:

– Хорошо посидели, пообщались, давно ведь не виделись, – стал заходить он издалека.

– Да, надо часто встречаться, – припомнил я ему в тон рекламу русского пива.

– Слушай, мне, наверное, показалось, но...

С больной головой выдерживать реверансы восточной дипломатии мне было неважно, поэтому рубанул сплеча:

– Да, марафон бежать решили.

– И?

– А что делать, у тебя же жизнь рутинная и скучная, придется выручать, будем регистрироваться, – не оставил я себе пути для отступления.

– Только давай так, несмотря ни на что – дела и все прочее, – хотя бы приедем на старт, – окончательно припер меня к стенке кореец.

– Хорошо, хорошо, – поморщился я. – Как регистрироваться?

– Да я уже и себя и тебя зарегистрировал, скоро на твой домашний адрес придет разъяснительная брошюра, там все сказано, как, когда и где...

Мне оставалось только вздохнуть.

– Сколько стоило? Когда деньги отдать?

– Да ладно, как-нибудь сочтемся, ты теперь, главное, готовься...

Готовимся

Марафон в Чхунчхоне, организуемый газетой «Чосон Ильбо», является крупнейшим в Южной Корее. В мире он занимает восьмое место (по количеству добежавших участников). Дистанция классическая – 42 км 195 м. Всего на старт в Чхунчхоне ежегодно выходит около 20 тысяч участников.

«Чосон Ильбо», являясь, наверное, самой влиятельной газетой Кореи, на высоком уровне подошла и к организации марафона. Несмотря на большое количество участников – в этот раз нас набралось 20 928 человек, – оргкомитет всем поголовно периодически рассылал информационные брошюры. А за 14 недель до забега пришла отдельная методичка, в которой было подробно расписано, как подводить себя к пику формы. Прилагался и дневник с рекомендуемыми нагрузками и советами профессионалов. Кроме того, в самой газете каждую неделю давались полезные наставления, напоминая одновременно, сколько осталось до старта. Так что накануне старта я уже четко представлял, что меня ждет.

Неуклонные напоминания в приходящих красочных брошюрах о том, что с марафоном шутки плохи и без подготовки там делать нечего, сыграли свою роль. Я начал готовиться. Врать не буду, за три месяца с полного нуля до уровня чемпиона подготовиться почти невозможно. Я бегать люблю, 10–15 км пробежать – не проблема, но больше никогда не бегал. А потому стал упражняться.

Что такое марафон, удалось немного понять на своей контрольной «прикидке» на 35 км за десять дней до официального забега. Последние 7 км еле волочил ноги, а потому уверенности в том, что добежу во время полноценного забега, не было. Исходя из этого опыта, для себя поставил цель обязательно добежать хотя бы до отметки 35 км. Цель-максимум была просто добежать до конца за отведенный лимит – 6 часов 30 минут. Идти пешком было бы просто стыдно.

Один и без права на отказ

– Извини, Олег! – именно такую фразу я услышал за неделю до старта от Ома, который тут же добавил, пряча глаза: – Придется тебе бежать одному. Просто не могу, стал бегать, коленка болит, больше 10 километров не выдерживаю, мениск подвел.

Так я остался без напарника. Но он мне все равно помог, познакомив со своим другом, в прошлом профессиональным легкоатлетом, который тоже бежал марафон и накануне старта дал мне много полезных советов.

За два дня до старта меня порадовал подарком русский друг Саша.

– Вот, бери, на тебя как раз налезет, – сказал он, протягивая мне пакет с футболкой.

– А зачем?

– Ну как? Будешь Россию рекламировать! – пояснил Александр, разворачивая одежду и показывая огромную надпись «RUSSIA» спереди футболки.

– Спасибо, друг, а если не добегу, то буду позорить страну?

– Так я специально, теперь уж точно добежишь. Это тебе силы придаст.

Теперь уж точно было отступать некуда, хоть пешком, хоть ползком, но добраться до финиша я был обязан. Как это пафосно ни звучит, страну позорить не хотелось...

На старте

Для сравнительно небольшого корейского города Чхунчхона марафон – один из самых больших праздников. Еще на подъезде к городу было заметно, что готовятся какие-то торжества: приветственные транспаранты и афиши были развешены повсюду. А к месту старта – центральному стадиону – стекались тысячи участников и тех, кто пришли поболеть за них.

Чтобы не устраивать кучу-малу, все участники были разбиты на группы в зависимости от результатов. Кто бежал лучше, того ставили вперед, кто похуже – подальше. Я, как бегущий в первый раз, попал в самую последнюю группу, которая, впрочем, была самой многочисленной – более тысячи человек.

По самой первой группе было заметно, что люди не на отдых приехали: все сосредоточенные, ушедшие в себя, серьезно разминаются, в глазах решимость сразу же умчаться быстрее ветра. Кстати, было за что бороться. Как оказалось, приз за первое место – 30 миллионов вон (по тем деньгам около 30 тысяч долларов), за второе – 20, за третье – 10 миллионов. Марафон предыдущего года выиграла два кенийца. Победитель, как говорят, купил у себя на родине за эти деньги трехкомнатную квартиру, а серебряный призер – новую машину. Эти два чернокожих товарища приехали и на этот раз, наверняка решили жилусловия улучшить или обновить свой автопарк.

По мере удаления от претендентов на миллионы вон участники становились все веселее и расслабленнее. Люди приехали как на праздник. Нашел приятеля Ома. Тот стоял возле группы лидеров. Выслушав подробный инструктаж профессионала, как держаться на трассе, я поблагодарил и пошел к своей стартовой группе.

Раздался стартовый выстрел – выпустили первую группу. Организаторы на стадионе устроили настоящее шоу для зрителей: на специальных возвышениях плясали девушки, операторы с телекамерами выхватывали разные интересные моменты, тут же их транслируя на огромный экран, с трибуны «заводил» всех ведущих соревнований, комментируя прохождение каждой группы. В нашей же группе царил просто бурное веселье, подбадривания комментаторов встретили таким оглушительным радостным ревом, что ведущий признался: «Судя по настрою, победитель скорее всего будет именно из этой группы». В таком приподнятом настроении, с шутками и прибаутками начали бег и мы.

Первые километры

Для себя я рассчитал так: буду стараться бежать примерно 10 км за час. Если так держаться, то это будет немногим более 4 часов 20 минут за всю дистанцию. Но это в идеале. Памятуя, как я на тренировке еле дополз 35 км, боялся просто свалиться где-нибудь километров за пять-семь до финиша.

Опять же про организаторов. Была очень удобная система. От оргкомитета были специально выделены опытные спортсмены, которые распределили между собой, кто и за какое время должен пробежать. Они были одеты как и все, но к поясу у каждого из них на веревочке был прицеплен надутый гелием ярко-желтый шарик, на котором было написано ориентировочное время прихода этого человека на финиш от 3 до 5 часов с интервалом в 20 минут. Так что эти шарики было видно издали. Выбираешь наиболее подходящее себе по силам время и бежишь за спортсменом или, как их называют, «пейс-мейкером». Вот я и пристроился в группе в 4 часа 40 минут.

Первые километры были, как водится, немного суматошными: люди перестраивались, «пейс-мейкеры» вытягивали свои группы на нужную скорость, кто-то расталкивал других, пытаясь пробиться вперед, кто-то искал куда-то девшихся приятелей и т. п. В итоге как-то все нашли свое место, и участники вытянулись в одну сплошную людскую полосу длиной в несколько километров.

Отдельно стоит коротко рассказать про места, где довелось бежать. Как мне сказали ветераны корейского марафона, более красивой трассы, чем в Чхунчхоне, в Корее нет. Кстати, именно здесь снимали некоторые сцены для знаменитого в свое время корейского фильма «Марафон», да и прототип героя действительно бегал именно на этом мероприятии. Основная часть дистанции шла вокруг живописного озера или через лес, по сторонам дороги возвышались сопки, лишь последние несколько километров были уже по городу. Глаз действительно не уставал – красота, да и только!

Примерно через полчаса после старта вдаль стал слышен сильный гул. Подбежав поближе, стала ясна причина необычного шума. Дорога шла через небольшой тоннель, и кто-то решил крикнуть, чтобы послушать эхо. Эта оригинальная идея понравилась окружающим, так что, пробегая под бетонными сводами, все в итоге вопили как дикари, распугивая птиц в округе, а эхо разносилось на многие километры над гладью расположившегося рядом озера.

В моей группе оказалось человек двадцать, сзади меня пристроились две корейские тетушки в возрасте примерно 45–50 лет. По ходу бега они болтали как заводные, но не отставали. Поначалу я подумал, что с таким настроением – ведь разговор сбивает дыхание – они особо долго не протянут. Но километры следовали один за другим, запас тем для обсуждения у тетушек не исчезал, а бежать они продолжали. В итоге за несколько часов бега я получил очень много разноплановой информации: про цены на недвижимость, стоимость образования детей, расценки на местном рынке на овощи и фрукты и еще кучу занятных вещей.

Наша группа тем временем спокойно продолжала бежать в своем темпе, изредка останавливаясь, чтобы попить. Ни один «водопой» я тоже не пропускал. Как мне посоветовал друг Ома, пить воду надо при каждой возможности, немного, но часто.

Места для питья воды, как я уже говорил, попадались каждые пять километров. На вынесенных столах стояли энергетические напитки и вода, а мобилизованные на мероприятие школьники подавали бегущим бумажные стаканчики, не забывая при этом кричать что-либо ободряющее. Единственное, чего я не мог понять, зачем на каждом таком «водопое» наша группа сильно замедлялась, но ускоряться самому было немного боязно. Тот же друг Ома меня предупредил: «Минута ускорения сверх твоего нормального ритма в начале пути – это десять минут потери времени в конце дистанции. Не торопись хотя бы половину трассы».

Постепенно, километра с 15-го стали попадаться люди, которые перешли на шаг – не рассчитали силы. Один такой товарищ шел, тяжело дыша, и громко рассуждал, веселя окружающих: «Не-е-е, чтобы я еще раз по пьянке поспорил, что пробегу, – ни за что! Не в моем возрасте на такое спорить, уже и за полтинник перевалило...» «Получается, не только я один попал таким путем на марафон», – подумалось мне.

Размышления о пагубности пьянства и споров в нетрезвом состоянии прервал какой-то сухонький корейский дедок. Приобняв мужика за плечи, тот спросил:

– Сынок, ты говоришь, что ты стар?

– Ну, уж для марафона-то – да! – заверил мужик.

– А мне тогда что делать в свои 77 лет?! А не жалуясь. А ну-ка бегом!!! – подталкивая мужика в спину, рывкнул на него дед, заставляя перейти на рысь под общий хохот окружающих.

Дедуле, судя по всему, было бегать далеко не в первой, он явно скучал. Потом переключил внимание на белое лицо – то есть на меня – и заорал с радостным видом: «Хай! Хеллоу!!!» Узнав, что я из России, веселый дедок еще больше обрадовался и стал заверять, что очень любит нашу страну. А про себя поведал, что он раньше в стране первые места занимал по марафону, а вот теперь на старости лет бегаёт ради своего удовольствия. На прощание он мне сказал: «Еще увидимся, внучок!» – и побежал бодренько вперед. Глядя, как резво он обходил группу за группой, про первые места в молодости я ему поверил.

Середина пути

Так, постепенно ощущая накапливающуюся усталость, мы пересекли первую контрольную отметку – 20 км. Датчики приветливо запищали, считывая показания с чипов на наших кроссовках. Тут же установленное табло немедленно высвечивало номер и результат каждого пересекающего полосу. Школьницы помимо воды и напитков раздавали еще и пирожные-«чокопаи», выкрикивая со смехом и визгами: «Вперед, немного осталось!».

Через некоторое время слышу опять какой-то рев. Что на этот-то раз? Ага, ясно – так все приветствовали надпись, гласившую: «Поздравляем, вы пробежали половину дистанции!» Что ж, уже неплохо, – подумал я, присоединяясь к поднятому нашей группой боевому кличу, которому могли бы позавидовать индейцы-команчи.

Почему-то на отметке 23 км появляется твердая уверенность: «Теперь точно добегу, с группой или без, но не сойду». Хотя было рановато, самое сложное ждало меня еще впереди...

Марафон – это веселье для всех

Теперь дорога вильнула от озера в сторону и пошла через небольшие деревушки. Тут самому получилось убедиться, что для местных жителей это мероприятие – одно из самых больших развлечений и праздников: в Корею это умудрились превратить в народный фестиваль. Такой искренней поддержке спортсменам могут позавидовать, наверное, и чемпионы Олимпиады.

Вот несколько ярких эпизодов, которые врезались в память и сильно подбодрили.

На дистанции со мной поравнялась молодая супружеская пара. Муж, шутливо козыряя, докладывает: «Капитан морской пехоты Ким, Вооруженные силы Республики Корея!» Порывшись в памяти и вспомнив, что записано в военном билете офицера запаса, выданного мне после окончания военной кафедры университета, отвечаю: «Лейтенант запаса Кирьянов, сухопутные войска, Вооруженные силы Российской Федерации!» Это сразу же несказанно радует моих временных попутчиков. Поболтав минуты две и пожав мне на прощание руку, «капитан Ким», перед тем как убежать вперед, осведомляется: «добежишь?» «Цыплят по осени считают, господин капитан, до финиша еще далеко», – шутливо отвечаю я.

В одной из деревень хозяйка караоке, властного вида корейская мадам, вытащила мощнейшие динамики из помещения на улицу, взяла микрофон и давай кричать командным голосом: «Мальчики, не отстаем! Еще немножко!!! Держимся, держимся! Всем добравшим в нашем заведении – по часу песен бесплатно!». Наиболее уставшим уделяется особое внимание, которое доводило слушающих от смеха до слез: «Ах ты, плешивенький ты мой, устал? Небось от жены сбежал? А ну-ка передвигай ногами живее, а не то жене скажу, что у меня в караоке сидишь!» и т. д. Тут же рядом с мадам, изображая группу поддержки, скакали девушки в коротких юбках.

Вдоль трассы постоянно стояли родители с детьми, молодые, старые – для всех это праздник. Какие-то сердобольные старушки по примеру организаторов устроили свои альтернативные «водопой» для спортсменов – притащили бочку с водой и протягивают в ковше воду всем желающим, почти хватая за рукав.

Но, если бы был приз за лучших болельщиков, то его, конечно, надо было бы отдать солдатам. По дороге попадаете указатель – «102-й батальон обеспечения». Нашей «пейс-мейкер», не в первый раз бегающий именно здесь, со смехом говорит: «Готовьтесь, сейчас начнется шоу».

Увиденное действительно заставило забыть про усталость, а находчивости и юмору корейских солдат надо отдать должное. У обочины поставили громадный армейский грузовик со сложенными бортами. На нем установили мощную музыкальную аппаратуру с настоящим, хотя и небольшим, диджейским пультом. За пультом – солдат в парадной форме, только военная кепка надета козырьком назад, рукава засучены по локоть, да и лицо все в блестках, которыми любят мазаться на дискотеках. Из динамиков несется мощное динамичное «техно». В помощь аппаратуре играет еще и военный оркестр. Человек пятьдесят солдат выстроились вдоль дороги и встречают бегунов дикими возгласами радости, периодически заглушающими музыку, при этом успевая приплясывать. Бегущие, проносясь мимо, с криками и смехом хлопают солдат по подставленным ладоням. При этом диджей успевает не только менять композиции, но и кричит как на самой настоящей дискотеке: «Я вас не слышу! Громче!!! Где ваши руки? Я хочу видеть ваши руки!!!» Ну как тут не закричать и не вскинуть руки?! Всем весело. Действительно, настоящее шоу. На запале от увиденного незаметно пролетают еще несколько километров.

Вот теперь марафон начался

Проходим еще одну контрольную отметку – 30 км. «Ну вот, – думаю про себя, – программа-минимум выполнена».

Кто-то кричит:

– Совсем немного осталось!

– Ага, вот теперь-то марафон только и начинается, – звучит более рассудительный голос.

Интересно, последняя фраза оказалась точь-в-точь такой же, какую мне сказал друг Ома: «До 30 км добегают почти все, кто хоть минимально серьезно отнесся, твои реальные силы проверяются только после этой отметки. Помни: марафон начинается после 30 км». Действительно, вскоре стало очевидно, что все больше и больше людей сходят с дистанции: начались судороги, кто-то просто дошел до своего предела, есть и в обморок упавшие.

Нагоняю своих знакомых – «капитана морской пехоты Кима» и его жену, которые стали бежать заметно медленнее:

– Господин капитан, добежишь? – смеюсь я, возвращая ему его вопрос.

– Хоть цыпят по осени считают, но на этот раз не знаю, – признается он.

– Держись, капитан!

– Есть, товарищ лейтенант! Меня не ждите, но морпех не сдастся!!! – со смехом гаркает он. «Надо же, – думаю про себя, – ни звания, ни что «товарищ» не забыл...»

Через пару минут слышу рядом возглас: «Внучок! Россия-водка-Шарапова-Путин-Горбачев-Федор-Емельяненко!!!» Ясно, что точно по мою душу. Это кто-то выдал характерный набор образов, которые ассоциируются у среднестатистического корейца с Россией. А! Да это же тот самый дедуля-марафонец. Только вот бежит дедок теперь очень интересно – спиной вперед.

– Вы что, издеваетесь над теми, кто слабее вас? Вы бы еще на одной ноге прыгали, чтобы показать, что сильнее всех! – шучу я.

– Говорят, для здоровья полезнее. В мои годы пора думать о здоровье, внучок, – назидательно говорит он. – А ты, родной, прекращай баловством заниматься да давай резвее ножки переставляй. Можешь же быстрее.

Только теперь замечаю, что действительно далеко оторвался от своей группы. Верчу головой – да, с километр будет, ждать смысла нет. Да и правда, хоть и немного устал, но сил хватает.

– Убедили, дедуля, я побежал!

Выбираюсь в крайний левый ряд, чтобы удобнее было обходить без толчеи и ускоряюсь. Километр, другой, третий – вдруг понимаю, что впритирку со мной едет на роликах парнишка в форме сотрудников- волонтеров и машет мне рукой. Поднимаю с лица солнцезащитные очки:

– ???

– Все в порядке?

– Пока да. А что стряслось-то? – интересуюсь я, не сбавляя темпа.

– А вы как-то вдруг припустили вперед неожиданно. Такое бывает, когда кто-то пытается из последних сил добежать. Некоторые добегают, но чаще падают в обморок. Я вам уже несколько секунд машу рукой, а вы не реагируете, вот и подумал: может, случилось чего.

Только сейчас понимаю, что и правда, как будто мозг отключился. Просто смотрел перед собой и бежал, бежал, глядя вниз, перед глазами только разметка дороги, уходящая под ноги...

– Спасибо, вроде нормально, скорее всего, добегу уже.

– Удачи! Если хотите, освежитесь, – указывает он на машину-водовоз, которую подогнали к обочине, включив специальное поливальное устройство, создающее что-то типа тоннеля с водной взвесью. «И то дело», – думаю я и пробегаю через водную стенку, которая сразу взбадривает.

Бегу дальше... Перед глазами плывут отметки километров – 37, 38, 39, 40... Это самые трудные километры. Стали побаливать колени, в мышцах голеней ощущаются характерные «прострелы», говорящие об усталости, трудно, считаю уже каждую сотню метров, но ничего – бегу, и каждый шаг приближает к финишу...

Финиш

Километра за два до финиша делаю рывок. Опять же совет друга Ома: «Как бы ты ни бежал по дистанции, на финише должен выглядеть орлом. Так что по ходу можешь немного отдохнуть, но последние пару километров ускоряйся, с улыбкой победителя на лице, марафон же добежал!»

Примерно метров за 800 до входа на стадион дорога сужается, и ты бежишь по специальной, огороженной барьерами дорожке, а по бокам толпы зрителей, кричащих, машущих руками, подбадривающих. На стадионе вообще просто стена народа, кто-то начинает кричать: «Россия, давай!!!» – успев разобрать надпись на футболке. Приятно, хоть на миг, но на последней сотне метров чувствуешь себя большим спортсменом – финишное ускорение, наклон тела вперед, все! Приветственно пищит контрольный датчик, фиксируя мой окончательный результат.

На стадионе тем временем интересная картина. Родные поздравляют своих близких, которые от усталости еле ворочают языками. Ребята из оргкомитета подбегают к финишировавшим, помогают расшнуровывать кроссовки и снимать чипы. У многих попросту нет сил нагнуться и сесть, так и падают на траву. Некоторые отошедшие от пробежки гордо рассказывают о впечатлениях.

Я сел, попытался развязать кроссовки, но руки не слушались. Тут же подбежал паренек из волонтеров: поздравил и помог расшнуровать обувь. Я же кое-как доковылял до специальной палатки, где мне чип поменяли на памятную медаль, которая выдается всем добежавшим до конца. Хоть не чемпион, а все равно приятно – свой марафон, свои 42 км 195 м я пробежал. По дороге со стадиона вижу – с веселой улыбкой, пошучивая, на финиш заходят те самые две корейские тетушки-болтушки, которые бежали первую половину у меня за спиной. Так и пробежали всю дистанцию, не умолкая. Молодцы!

Получив вещи, немного отдохнув, возвращаюсь к машине. На мобильнике меня уже ждет сообщение: «Спортсмен – Олег Кирьянов. Стартовый номер – 11 275; дистанция – 42 195 м, время – 4 часа 16 минут 05,81 секунды. Сертификат об успешном завершении забега будет отправлен на ваш домашний адрес». Устал, жутко болят ноги, но кстати, а когда следующий забег? Все-таки корейский марафон – это весело!

Как я служил в корейской армии

В отделе по связям с зарубежными СМИ Министерства обороны Южной Кореи озадаченно повертели мой запрос об «освещении курса молодого бойца (КМБ) Академии сухопутных войск Республики Корея (АСВ РК)». Спрашивают: «А зачем это вам?» Рассказываю про интересные репортажи Артема Боровика из американской армии, про схожую систему комплектования армии (и у нас и в Корее – всеобщая воинская повинность), про свою учебу в Суворовском училище... Меня перебивают: «Уговорили! Будете первым из иностранных журналистов, кто там побывал. Удачи, действуйте!»

Первое утро новобранца

6.29 утра. Солнечное морозное январское утро. Вдоль дорожек через равные промежутки стоят покрытые инеем деревья. За расположившимися вокруг зданиями видны утесы красивых гор.

6.30. На крыше лениво поеживаются от холода голуби. Вокруг ни души, тишина. Вдруг весь этот торжественный покой взрывается бодрым маршем, который, как кажется, слышится отовсюду, многократно отражаемый склонами гор. Через секунду уже раздается топот сотен ног. Здания теперь больше напоминают муравейники, из которых вот-вот начинает выплескиваться людская волна.

6.33. На улице появляются озадаченные мальчишки и девчонки в военной форме, на лицах у многих из которых отражены растерянность и непонимание. Бодрые подтянутые ребята чуть постарше, которые явно чувствуют себя здесь в своей тарелке, дружеским хлопком по плечу подгоняют тех, кто не особо торопится выходить, своими командами напоминая забывчивым, что все это значит: «Строиться повзводно на плацу. Быстро, быстро, быстро!»

Начинается первый день учебы. Через год те, кто еще сейчас до сих пор не может проснуться, сами будут так командовать, еле сдерживая снисходительную улыбку, глядя на новобранцев, а через четыре года они наденут на плечи погоны офицеров...

Ну а пока – знаменательное событие: начался отсчет шести недель, которые должны полностью перевернуть их пока еще детское мировоззрение, которые должны им объяснить, что их ждет впереди, которые должны превратить их из школьников в курсантов военного училища, кадетов, как принято называть их здесь на английский манер. Итак, шесть недель КМБ – курса молодого бойца, как у нас говорили, в «кузнице офицерских кадров» – главной в Южной Корее Академии сухопутных войск.

«Лучший отдых для новобранца – это новая работа»

Разговариваю с самым главным сейчас для новобранцев человеком – начальником КМБ подполковником Ли Сын Чжэ. «Мы относимся весьма и весьма либерально ко вновь прибывшим. Да, конкурс у нас велик – более двадцати человек на место, но мы не пытаемся шокировать сразу же непосильными физическими нагрузками и чрезмерно суровой дисциплиной. С другой стороны, мы не делаем поблажек в другом: мы требуем от них того, чтобы они научились четко планировать свое время, выполнять поставленные задания. А их, поверьте, у новых ребят много. Им надо очень многому научиться за шесть недель, превратиться из гражданских людей в военных. Лучший отдых для них – это новый вид работы», – сказал офицер.

Всего в этом году набрано 240 человек. Они разделены на две учебные роты, которыми командуют офицеры, в каждой роте по четыре взвода, во взводе – три отделения. Базовая

единица – отделение. В нем 10 человек. 10 процентов новобранцев – девушки, это записано в правилах поступления. Представительницы прекрасного пола никак не выделены, в каждом отделении присутствует по одной девушке. То есть сейчас в АСВ на первом курсе 24 девушки и 216 ребят.

Первая неделя

Корейцы известны всему миру своим трудолюбием, а также прилежанием в учебе. Образовательная система построена таким образом, что последние два-три года обучения в средней школе ученик практически с утра до вечера только и делает, что учится. Спать приходится немного – не более 4–6 часов в сутки, остальное время – учеба, учеба и еще раз учеба. А иначе трудно надеяться на поступление в престижный вуз, к коим относится и военная академия. Вот и выходит, что поступившие в АСВ РК ребята и девчонки в целом подготовлены физически весьма слабо, что требует особого подхода.

По словам подполковника Ли, они практикуют для новобранцев «мягкую посадку» после гражданской жизни. Первая неделя КМБ напоминает больше учебу в каком-то пансионе с элементами военной подготовки. Первые семь дней вчерашние школьники и школьницы изучают историю академии, военные уставы, правила, распорядок дня и прочие необходимые для нормальной жизни в этом учебном заведении предметы.

Однако главной целью этой недели ставится психологическая подготовка новобранцев к будущей военной карьере. Для подавляющего большинства из них – это выбор на всю жизнь. Чтобы ребята получше разобрались в себе, и практикуются своеобразные семинары-беседы между новобранцами, где они рассказывают друг другу, почему решили стать военными.

Основным командиром для новобранцев являются именно старшекурсники – с третьего курса академии. Офицеры осуществляют лишь самое общее руководство, вмешиваясь в процесс обучения только лишь в самом крайнем случае. Предполагается, что все проблемы решают курсанты сами, под руководством командиров отделений и взводов, то есть старшекурсников.

Вернемся к физической подготовке. Выбегавшие на улицу курсанты начинают пробежку – полубегом, полушагом. Пробежали километр, немного согрелись, стали под команды командиров взводов размахивать руками, вращать туловищем, короче, утренняя гимнастика. Отжались 20 раз. Потом назад в казарму.

У меня за плечами из военного опыта только законченное Суворовское военное училище и военная кафедра университета. Про военную кафедру говорить не стану, но в СВУ побегать довелось от души, да и помладше мы были, чем корейские курсанты, а бегали на КМБ гораздо побольше. С отжиманиями тоже было получше. Как-то не впечатляет...

Заметив мою ироническую улыбку, офицер по связям со СМИ академии майор Ли Чжан Хо, который организует мое пребывание в этом военном вузе, говорит: «Не обращайтесь на кажущуюся легкость нагрузки. Из-за корейской системы образования мы не можем сразу заставлять ребят носиться как угорелых. Мы все делаем постепенно, но регулярно. Поверьте мне, через шесть недель все без исключения они будут делать по 50 отжиманий и бегать не менее 7 километров с полной выкладкой. Иначе просто не закончат КМБ».

Эти показатели уже как-то больше впечатляют. Посмотрим. Но все-таки интересуюсь: «А если не выполнят?» Следует краткий ответ: «Тогда отчислим». Физическая подготовка во время КМБ проводится два раза в день, даже в выходные. К выпуску они по уровню подготовки приближаются к спортсменам. Также выпускники должны получить удостоверение инструктора в каком-либо виде спорта – подводное плавание, скалолазание, гимнастика, бег и прочие. Иначе офицерских погон не видать.

Быт

Живут в ходе КМБ курсанты в комнатах по двое. «Тоже неплохо», – думаю про себя. Чтобы ребята лучше познакомились друг с другом, соседей по комнате меняют каждую неделю. Все по-спартански, никаких излишеств. Верхняя часть двери прозрачная, чтобы командиры могли видеть, чем занимаются новобранцы. Умывальники и туалеты общие (с разделением, конечно, для мужчин и женщин), на каждое отделение предусмотрена общая душевая. Убирают у себя в комнатах сами, большие вещи стирают в прачечной академии, а нижнее белье – самостоятельно.

В свою очередь подполковник интересуется: «Наверное, все кажется слишком скромным?» Вспоминаю казарму СВУ, где спали по 50 человек в одном помещении, не мечтая уже о каких-то комнатах, но не успеваю ответить. «Ничего, это мы специально для начала приучаем их жить скромно. Как пройдут КМБ, сразу мы им покажем, как много им академия дает. Это для них будет приятным сюрпризом по сравнению со спартанской жизнью на КМБ».

Пытаюсь сравнить воспоминания Суворовского училища с корейской военной академией, начинаю закидывать вопросами про наряды, еду, увольнения и прочее. «Как раз обеденное время подоспело, – говорит офицер. – Пойдемте, сами все посмотрите и попробуете». Общее впечатление следующее: кормят здесь без изысков, но добротню. Набираешь столько, сколько захочешь сам. На десерт – фрукты. Каждый день меню меняется, так что с едой тут порядок. «Молодой растущий организм требует хорошего питания», – говорят мне. Трудно не согласиться. Офицеры едят здесь же, из одного котла с курсантами, хотя и за отдельными столами.

Пользуясь моментом, когда сдаю поднос с грязной посудой, просовываю свою любопытную физиономию на кухню, надеясь увидеть «наряд по кухне» в корейском исполнении. Меня ждет разочарование – только какие-то тетушки, да и повара явно не курсантского возраста и телосложения.

После долгих объяснений по поводу бывшей российской армейской традиции нарядов курсанты в итоге мотают головой: «Нет такого». Мои рассказы про то, как регулярно чистил картошку с 5 вечера до 2–3 утра, когда 10 человек помогали обеспечивать питание всего училища, слушают с любопытством и соболезнаванием. Только начальник КМБ подполковник Лихмыкнул в сторону: «Неплохо, и нам бы не помешало, может, больше бы стали ценить еду...»

В очередной раз удивил корейцев рассказами про «подъем-отбой», когда за 45 секунд, пока горит спичка, надо было одеться и уже стоять в казарме в строю повзводно. А если не уложились, то «будем тренироваться». Здесь такого нет, но, как оказалось, есть свой аналог.

Ночной подъем

Ночь, над столиком дневального по роте горит небольшая лампа. В казарме все спят. Бодрствуют только начальник КМБ подполковник Ли, офицер по связям со СМИ майор Ли, три командира групп, дневальный и ваш покорный слуга. Сегодня еще одно упражнение, запланированное на КМБ – ночной подъем. Тишину разрывает вой сирены и резкие команды командиров отделений и взводов: «Подъем, учебная тревога! Одеться и строиться у своих комнат». В комнатах тут же раздастся шум, через некоторое время из них вылетают одетые курсанты и строятся. Свет все это время так и не включался. После осмотра новобранцев следует команда «отбой».

Мне с улыбкой говорят: «Вот вам наш подъем-отбой». Тоже интересно, здесь акцент делается на то, что все надо делать в темноте. «Вот поэтому, – говорит мне командир одного

из учебных отделений, – мы и настаиваем, чтобы все лежало на четко установленном месте и нигде больше. Иначе в темноте быстро и не оденешься».

Конечно, для начала несколько раз отработали всю процедуру при свете дня, но сейчас было все всерьез – ночью и без предупреждения. Начальник КМБ подполковник Ли подходит ко мне и говорит: «У вашей армии очень глубокие традиции. Ваша практика со спичкой и одеванием за 45 секунд очень правильная. Нам ее тоже следует перенять. Мы в принципе не ограничиваем время на подъем, а надо бы». Про себя беспокоюсь, как бы после моих рассказов КМБ в АСВ РК не претерпело изменения. Некоторые наши традиции здешним командирам определенно пришлось по душе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.